

Кость 1: Прекрасная особа

Часть 1

В тот день, как и обычно, я получил одностороннее письмо от Сакурако-сан «Зайди по дороге домой». В электронном письме, будто написанным злым духом, даже не спрашивалось мое согласие. Вот почему после школы я сразу же направился к старинному особняку, выполненному в западном стиле, в котором она жила.

Сколько бы раз я не перечитывал письмо, особой ясности оно не приносило.

Так было всегда. Почему? Что произошло? Если бы я попытался ответить звонком на ее сообщение, а не привычным электронным письмом с согласием, она бы наверняка разозлилась и прокричала: «Я сейчас занята!». Поэтому, когда я получал подобные электронные письма, я должен был немедленно идти к ней. Конечно, я мог отказаться, если бы захотел, но, если представить возможные последствия, лучше просто прийти к ней.

В этот раз я отправил ей «Пожалуйста, в следующей раз напиши хотя бы причину», но уверен, как и всегда моя жалоба будет пропущена мимо ушей. Хотя, это уже привычное дело. Так называемый "шаблон". Если быть честным, я уже смирился с этим, и вновь принял ее эгоистичную просьбу.

Асахикава, место, где мы живем, является третьим по величине населенным пунктом в северной Японии после города Сендай, а до войны развивался как крупный военный центр. Благодаря популярному зоопарку Асахияма, мы занимаем второе место по количеству туристов. Но на самом деле мы лишь обыкновенный проездной город. Даже если зоопарк собирает гостей, в действительности все останавливаются на ночёвку в Саппоро, в Отару, в Фурано и в Бизё. Нашему городу недостает блеска.

Асахикава редко страдает от землетрясений. Вероятно, это потому, что город окружен со всех сторон горами. Благодаря этой особенности в городе до сих пор сохранились здания эпохи первопроходцев, выполненные из дерева или толстого камня. Однако в отличие от Отару, они не гордо возвышались. И даже не были восстановлены и прекрасны, как в Хакодате. Обыкновенные старые здания, которые если разрушатся, просто заменят на новые.

Повсюду в городе царила унылая атмосфера упадка и застоя. Конечно, находилось множество людей, которые старались изо всех сил разрушить эту гнетущую атмосферу, путем пересмотра туристических ресурсов. Но даже крупная перестройка города не помогла очистить воздух от гнетущего застоя. Думаю, все дело в том, что такой уклад жизни заложен в каждом жителе Асахикава. Люди из Асахикава не выносят перемен и прочую ересь.

Но даже в таком старом городе, как Асахикава, существовало то, что вызывало гордость. В старинном особняке западного стиля, про который старая кормилица приговаривала: «Когда становится холодно, ветер сквозит очень сильно» ... — вдвоем со старой кормилицей жила Сакурако-сан, так называемая "молодая леди". В свои двадцать и несколько месяцев лет она

всегда носила белую мужскую рубашку и темные джинсы. Ее гардероб не выглядел особо модным, но так как она была красивой девушкой с прямой осанкой и волевым взглядом, вся одежда смотрелась на ней, как из дорогих модных бутиков высокой моды. Если перейти к росту, то к моему ужасающему осознанию, несмотря на то что я достаточно высокий, наши талии были примерно на одном уровне. Ее волосы, натурального черного цвета, опускались ниже плеч и немного волнились. Зная Сакурако-сан, не думаю, что она делает химическую завивку, вероятно волнистые волосы у нее от природы. Она не делала ничего особенного со своим видом, и все равно оставалась красивой девушкой... вот каким человеком была Сакурако-сан.

Однако ее личность в корне отличалась от внешнего вида. Прежде всего Сакурако-сан не питала излишней любви к людям. И нет, эти чувства не исходили из-за недоверия к людям, просто она не интересовалась ими. У нее даже не было "мобильного телефона", который в наше время стал незаменимым средством связи.

Она всецело была преданна собственным увлечениям. Во-первых, это были кости. Во-вторых, это тоже были кости. В-третьих, в-четвертых, в-пятых и шестых ей все так же нравились кости. Она страстно любила кости всех видов и всех существ.

Дядя Сакурако-сан преподавал в университете судебную медицину и привозил для нее туши всевозможных животных из различных мест. Сакурако-сан вручную разделывала тушки и доставала скелеты. Все эти трофеи она отдавала в нужные места, добавляла в свою коллекцию или продавала через интернет.

Под землей большого сада, раскинувшегося вокруг особняка, который во время строительства выглядел впечатляюще, были захоронены туши крупных животных. Раньше, когда со стороны кухни веяло ароматом хорошо протушенного мяса, я думал: «Ну, очередная сбита у обочины тушка тануки, и из нее добываются кости» — и теперь Сакурако-сан с огромным удовольствием тушит мясо в огромном котле. Но как потом выяснилось, Умэ-сан (так звали старую кормилицу) не нравился зловонный запах, который всегда исходил от тушения подобного вида мяса. Вот Сакурако-сан и научилась маскировать его, добавляя соевый соус и избавляясь от вони.

Говорят, особо крупными и гниющими трупами животных, Сакурако-сан занималась в саду, где у нее были установлены промышленные газовые горелки особой мощности. Но подобным она занималась редко, так как это выходило за пределы ее хобби.

В ее руках любое животное раздевалось догола и превращалось в грудку белых высушенных костей. Тщательно собирая все фрагменты костей, она скрепляла их вместе, используя смолы или клей, и аккуратно помещала в стеклянный футляр. Вместо живых существ, она предпочитала безмолвных белых друзей, заточенных в ловушку из стекла.

Я повстречал эту странную девушку в одном определенном инциденте, но это совсем другая история. С тех самых пор, после нашей первой встречи, я попал под ее влияние.

— Итак, по какой причине я нужен был вам сегодня?

У парадной двери меня встретила морщинистая Умэ-сан, которую дети по соседству называли "китаро с кладбища¹" (они так боялись ее?). Поприветствовав как обычно, она провела меня в гостиную, уставленную мебелью, изготовленную мастерами Асахикава (Асахикава считается знаменитым мебель изготавливающим городом). В одном из необычном по дизайну кресле, невозмутимо скрестив ноги, сидела Сакурако-сан. Это кресло современного дизайна сильно контрастировало с окружающей, кажущейся исторической обстановкой, старинного особняка западного стиля. Хотя, кажется, я понимаю, почему Сакурако-сан нравится это кресло. Минимальный обтекаемый каркас, придавал креслу скелетообразную форму, в отличие от обыкновенного массивного дивана. Про себя, я звал его кресло-скелетом.

— Радуйся, парнишка. Я намеревалась сделать тебе подарок, — слегка улыбнулась Сакурако-сан, покачиваясь в кресле-скелете.

— ...Дай угадаю, вероятно что-то опять из костей?

— Прекращай выражаться в таком тоне. Если ты соберешься продать это по интернету, то сможешь выручить неплохую сумму, — слегка скривила губы Сакурако-сан, словно надулась. Собирать кости очень сложная работа, поэтому ей не нравилось, когда кто-то с пренебрежением относился к ним.

— И чьи это кости?

— Камбалы.

— Камбала?

У меня возникло плохое предчувствие, и я нахмурился. Дело в том, что несколько недель назад я ходил на рыбалку с дедом. Вот почему я наклонился поближе к Сакурако-сан, чтобы выяснить побольше информации.

— ...Это та, которую я поймал в прошлом месяце?

— А-ха-ха, разумеется. Ее плоть и яичники были восхитительны. Прими мою благодарность от самого сердца, — улыбнулась Сакурако-сан и с большим удовольствием вручила мне белоснежный скелет в деревянной раме. Пухлая, черная камбала, полная икры, претерпела сильные изменения.

Я очень люблю рыбу и ем ее много, но, когда мне показывают что-то вроде этого, из костей, кажущееся совершенно другим, мне становится странно. Но в конце концов это всего лишь кости. С аккуратной надписью "Pleuronectes obscurus", что было ее научным названием, "это" было помещено в футляр из тонкой деревянной рамы. Если выставить "это" это на рынок, без

сомнений, можно будет выручить хорошие деньги.

— Это вещь такая... удивительная...

Может, кому-то получить скелетообразный экспонат в качестве подарка было бы приятно, но я совсем не отношусь к этим людям. Я ничего не имею против вкусной рыбы, но, если ее подавать в таком видоизмененном виде, когда о ней позаботилась Сакурако-сан, это немного страшно. Хотя, о чем я говорю. Вся комната была украшена костями, что считалось дурным вкусом, так как она будто заигрывала со смертью, но похоже ее это не волновало.

— Но... разве все не удивятся, если я украшу комнату чем-то таким? Вам не кажется, что подобный подарок не соответствует мне?

— Удивятся? Разве это не прекрасно? В рыбьих костях ведь нет ничего такого? Кроме того, ты знаешь, как тяжело удалять кости из рыбы?

Сакурако-сан совсем не заметила моей попытки сменить тему, и начала рассказывать мне, как сложно убрать скелет из рыбы. Из туш животных она получает скелеты путем закапывания в землю или их варки в огромном котле с чистящим средством для зубных протезов. Но оказывается с рыбами все обстоит по-другому.

— Я опускаю рыбу в горячую воду, а затем старательно соскребаю плоть с костей зубочисткой или палочкой для еды, — продолжила Сакурако-сан с нахмуренным лицом.

Я даже представить себе не мог, как бы напряглись мои плечи от подобной деликатной работы. Но, с другой стороны, я не просил ее о нечто подобном... Почему Сакурако-сан не могла просто съесть рыбу, как и все обыкновенные люди?

— Ну как тебе? Разве она не прекрасна? Ты ведь даже подумать не мог, что невообразимый деликатес может быть представлен в виде подобной комичной плоской формы.

— Хмм...

В ослепительном блеске глаз Сакурако-сан прекрасно читалось «Бери, не стесняйся». У нее не было никаких отклонений в личности, но из-за низкого коммуникативного навыка, она даже не думала, что обыкновенный человек, который ведет обыкновенную школьную жизнь, может думать иначе.

— Эмм, да, точно... она выглядит прекрасно.

В любом случае мне не хотелось обижать ее. Сакурако-сан сделала эту вещь специально для меня, поэтому не важно нравится или не нравится она мне. Хотя, признаюсь, плоская комичная форма рыбы... была за гранью моего понимания.

Обычно, когда я ел камбалу, я ни о чем не думал, но сейчас она была похожа на тонкий лист, чьи хрупкие тонкие косточки напоминали прожилки. До этого я не заметил, но сейчас узор из бесчисленных тонкий костей начал напоминать мне перья павлина. Как не проявляющий никакого интереса к костям, я принял их тонкую изящную красоту. Но на этом, пожалуй, все. Думаю, пришло поставить точку и перестать поддерживать этот "взрослый диалог".

— Я очень рад, спасибо. Я положу это на свой стол.

Переменившись в лице, я поблагодарил ее за свой трофей с прошлой рыбалки и аккуратно положил в сумку.

— Если речь идет о рыбьих костях, то мне больше нравится окодзэ. У этой рыбы такие очаровательные кости. Как жалко, что я с ними никогда не работала, — с улыбкой произнесла Сакурако-сан, поудобнее усевшись в кресле.

— Окодзэ... а на Хоккайдо такая не водится?

— С чего это?

— Ну я просто подумал, что эта рыба может любить теплые воды.

По крайней мере я никогда не видел эту рыбу на обеденном столе.

Тем временем Сакурако-сан немного опустила голову, будто что-то обдумывала.

— Тогда... что насчет морских лисичек²?

— Морских лисичек?

— Эта рыба очень вкусная, но у нее множество костей, которые имеют необычную форму. Ее костные пластинки имеют перьевую форму, что выглядит забавно...

У Сакурако-сан было странное выражение на лице, поэтому я поторопился найти изображение морских лисичек на своем смартфоне. Сначала она с подозрением смотрела на изображение на моем смартфоне, ну уже через пару секунд ее лицо посветлело.

— Ах, и правда необычный вид! — пристально всматриваясь в мой смартфон, рассмеялась Сакурако-сан. Я вздохнул с облегчением и потянулся к чашечке чая, специально приготовленного для меня.

Дети по соседству часто называли Умэ-сан ёкаем³, поэтому я и сам начал задумываться, а

правда ли она человек? Однако чай, который заваривала эта пожилая женщина ёкай, был всегда очень вкусным. Обычно, я не пью много чая. Я никогда не разбирался в сортах чайных листьев и в их особенностях, пока пил чай, заваренный моей матерью. Только после встречи с Сакурако-сан я узнал, что черный чай может быть вкусным.

— Тогда, я принесу ее тебе, если поймаю.

Я был очень счастлив от восхитительного черного чая и от невинной улыбки Сакурако-сан, которой она меня одарила.

— Спасибо. Твое хобби рыбалка выглядит полезным, — снова одарила меня счастливой улыбкой Сакурако-сан.

Но в то же время я ощутил, как взвалил на свою спину лишний груз. Я и правда дурак. Понимаю, насколько это хлопотно, я почему намеренно пошел на увеличение контактов с ней.

— Это не совсем мое хобби. Рыбалку любит мой дедушка.

У меня не было другого выбора, кроме как сказать эти слова. Проглотив вздох сожаления, который хотел вырваться из меня, я изобразил на своем лице подобие улыбки. Я понятие не имею, как ловить морских лисичек, но, если спросить дедушку, уверен, он мне расскажет и возьмет с собой на рыбалку. Наверняка моя "просьба" даже обрадует его. Как двух зайцев одним выстрелом я заслужу сыновнее благочестие⁴ от дедушки и удовлетворю просьбу Сакурако-сан.

Наблюдая за Сакурако-сан, которая как ребенок, получивший игрушку, играла с моим смартфоном, я наслаждался своим чаем. В этом особняке, в котором были полностью стерты знаки о жильцах, жили только Умэ-сан и Сакурако-сан. Может быть поэтому особняк был всегда окружен торжественной тишиной. Мне нравилось быть здесь. Поначалу меня немного пугало находиться под присмотром белых костей, которые украшали комнаты, но теперь я мог спокойно расслабиться здесь. Наверное, это из-за этого, что я еще сильнее попал под влияние Сакурако-сан.

В такой приятной тишине, когда я мог слышать счастливое легкое дыхание Сакурако-сан, мой смартфон в ее руках внезапно заиграл популярную песню девушек идолов.

— Прости, кажется мне кто-то звонит.

Даже песня, которая нравилась мне, казалась здесь оскорбительной какофонией. Я прямо почувствовал, как стал виновником чего-то плохого. Когда я взял свой смартфон из рук Сакурако-сан, которая выглядела угрюмо недовольной, я узнал, что мне позвонила мать. Ну вот скажите, почему моя мать всегда звонит в самое неподходящее время?

— ...Слушаю, — сердитым голосом спросил я.

— Что такое? — таким же недовольным голосом отреагировала моя мать на мои слова.

— Да ничего такого. Что случилось? Ты опять забыла купить что-то на ужин?

— Не угадал. Мне просто нужно, чтобы ты кое в чем помог мне. Пожалуйста, возвращайся поскорее.

— Хорошо...

Внезапно ко мне пришло осознание, почему я принимал эгоистичные поступки Сакурако-сан. Ведь я же привык к подобному поведению от своей матери. После того, как отец умер, когда мне было четыре года, нас со старшим братом мать вырастила собственными руками. На полученные страховые деньги отца, мать открыла квартирный бизнес и теперь управляла восемью объектами в нашем городе. Я благодарен своей матери, которая вырастила нас как мать-одиночка, но без каких-либо финансовых трудностей. Я думаю, она замечательный человек. Пока я доучиваюсь в старших классах, мне разрешено выбирать любой будущий колледж или университет. В ее жизни такого не было, поэтому она говорила мне, что я должен учиться там, где хочу.

Однако это не мешало ей поручать мне достаточно грубые поручения. На безвозмездной основе (за работу она могла бы платить хоть небольшие карманные деньги), она эксплуатировала меня как какую-то прислугу. Кроме того, с тех пор как мой старший брат ушел из дома и поступил в колледж прошлой весной, все поручения матери о работе по дому, лежали на моих плечах.

— Помочь тебе... упаковать что-то? Это может подождать пару часов? — поинтересовался я как специалист по хозяйственным работам по дому, одновременно беспокоясь о запахе соевого соуса и имбиря, доносящегося из кухни.

Я еще не обедал, потому что занятия в школе были утром, а потом сразу побежал к Сакурако-сан. Как только я поздоровался с Умэ-сан, она спросила меня: «Молодой человек еще не обедал?». Этот вопрос обрадовал меня, ведь я мог не беспокоиться о своем обеде. Если быть честным, Умэ-сан всегда говорила мне, что я "слишком худой". Видимо поэтому у нее было сильное желание накормить меня вкусной едой при любом удобном случае.

Обычно, к чаю всегда шли пирожные, но сегодня был только чай. Я слышал, как она отругала Сакурако-сан, сказав: «Никаких сладостей перед обедом».

Вот почему я планировал оттянуть немного времени и отведать вкусного обеда Умэ-сан. Возможно, мне не стоит об этом говорить, но моя мама не очень любит готовить, потому что у нее это плохо получается. Как старшеклассник, я не считал странным готовить обед для себя сам. Теперь вам должно быть понятно, что, когда я возвращаюсь домой, обеда никакого нет.

Поэтому перед выбором съесть обыденный растворимый рамен или отведать вкусную стряпню Умэ-сан, я хотел выбрать второе. Если уж и заниматься какими-то поручениями, то только после обеда...

— Нет. Пожалуйста, вернись как можно скорее. Люди придут уже через полчаса.

— Через полчаса? Так внезапно.

Когда я взглянул на старинные настенные часы, было без пяти час дня.

— Да. И это меня беспокоит. До одного из моих жильцов члены семьи не могут дозвониться, и теперь они хотят, чтобы я открыла им дверь. Надеюсь, ничего плохого не произошло. Теперь ты понял, почему я хочу, чтобы ты поехал со мной.

— Да... — разочаровано протянул я.

— Как бы то ни было, времени слишком мало. Возвращайся сейчас же.

...Гудок.

Как и в случае односторонних электронных писем Сакурако-сан, мать резко оборвала разговор, не давая мне шанса на отказ.

— Боже...

Когда я еще раз разочарованно вздохнул, Сакурако-сан с любопытством прищурилась на меня.

— Это была мать.

— Какое-то дело?

— Да. В одной из квартир, которых управляет моя мать, жилец не открывает дверь и не берет трубку. Вот члены семьи и хотят, чтобы мы сами открыли им дверь.

— Хо.

— В последний раз, когда моя мать открывала дверь, ее ждал труп мертвого старика. Вот почему мать больше не хочет ездить одна... Я должен вернуться домой, чтобы присоединиться к ней.

Мне вовсе не нравилась эта затея. Когда я понуро ответил Сакурако-сан, она решительно хлопнула себя по бедру.

— Хорошо, пойдем.

— Ась?

— Разве ты сам не сказал, что по ту сторону вас может ждать мертвец? Я просто обязана пойти с тобой!

Ее лицо было переполнено радостью, поэтому я нахмурил брови.

— Сакурако-сан...

— Что?

Как я и думал, она ничего не почувствовала в моей интонации.

— Это слишком бессовестно.

Когда я отругал Сакурако-сан, она обиженно надула губы. В такие моменты она не выглядела старше меня. Должно быть Умэ-сан испытывает трудности с Сакурако-сан ежедневно.

— Если ты в предвкушение чужого несчастья, когда-нибудь что-то плохое может случиться и с тобой.

Я не мог взять ее с собой в ситуации, в которой мог погибнуть человек. Поэтому, как ребенку, я намеревался сказать: «Сакурако-сан, оставайся дома»,

— Я никогда не наслаждалась нечто подобным. Просто я не так часто видела человеческие трупы, поэтому, считай, что это мое интеллектуальное любопытство.

Но Сакурако-сан отрицательно покачала головой и решительно посмотрела на меня. По ее виду я понял, она солгала мне, что не наслаждается подобным.

— Нет, — безапелляционно заявил я.

— Парнишка, я не буду вам мешать. Я просто тихо постою в сторонке.

Опять ложь. Для Сакурако-сан это нечто невозможное.

— Я дам тебе знать, если что-то случится. Пожалуйста, подожди в особняке... ох.

Пока я перебрасывался словами с Сакурако-сан, я рассеяно полез в портфель за шарфом и чуть не уронил на пол подаренный скелет черной камбалы.

Футляр уже был готов соприкоснуться с полом, когда я поймал его. Пока я тщательно проверял, не повредились ли косточки, Сакурако-сан прильнула ко мне сзади и задышала мне в ушко.

— С-Сакурако-сан!?

— Ты на полном серьезе заявляешь, что не хочешь брать меня с собой? А что, если человек действительно мертв, и это произошло пару дней назад? Процесс разложения отличается от летнего времени.

От этих нашептываемых слов на мое ушко я почувствовал, как холодная дрожь выступила по моей спине.

— Например ванная. Предположим, человек принимал ванну и умер от сердечной недостаточности. Думаю, мне даже не нужно объяснять, ты и так прекрасно знаешь, как выглядит тело, пробыв долгое время в воде.

Когда Сакурако-сан напомнила об этом, я сразу вспомнил тот бедный труп, который однажды в реке я обнаружил вместе с ней... Как бы я не хотел забыть то зрелище, оно четко отпечаталось в моем мозге.

— Сейчас в ванной комнате прохладно. Нередко в таких случаях люди любят включить воду погорячее. Легко удалить кости с тела, которое варилось на протяжении нескольких дней. А запах...

— Пожалуйста, замолчи! — завопил я, зажав уши. А Сакурако-сан тем временем взяла футляр со скелетом камбалы в свои руки.

— Я просто излагаю факты, которые могут произойти в действительности. И прошу тебя разрешить освидетельствовать труп от вашего имени.

— ...

Сакурако-сан взяла мою сумку, вынула из нее все учебники, сформировала аккуратную стопку их них и положила обратно в сумку, не забыв про экспонат скелета камбалы. Медленно она застегнула застежку.

— Ну так что? Пойдем?

С самодовольным выражением на лице Сакурако-сан подошла к застывшему на одном месте мне, и осторожно повязала шарф на мою шею.

— ...Не знаю, убьют ли тебя, как ту кошку.

Любопытство погубило кошку!

Любопытство погубит Сакурако...

Даже кошка, у которой девять жизней, согласно тому выражению, может быть убита любопытством. Сакурако-сан может сгубить то же любопытство. Я не ненавижу Сакурако-сан, но мне совсем не нравится ее отношение к "смерти".

— Кошку? Кошки очень красивые создания, даже когда живы. А их кости художественно завораживающие. Знаешь...

— Достаточно! Я не должен был этого говорить!

Бах! Когда я грубо ударил кулаком по столу. Умэ-сан, все это время находившаяся позади Сакурако-сан, тихонько охнула.

— Ах, прошу меня извинить.

— Ох-ох! Молодой человек, вы уже уходите?

— Мне очень жаль, но появилось срочное дело...

В ее руках был поднос с потофё, от которого доносился восхитительный запах. Голодный и с кривым выражением на лице я извиняюще поклонился Умэ-сан. Прости меня, Умэ-сан. Я правда хочу все это съесть, но не могу.

— Я тоже ухожу.

— И вы, молодая леди? Ну что ж, давайте собираться. Выходить на улицу в таком виде не подобает леди из семьи Кудзё.

— Если ты хочешь идти со мной, то нам нужно выдвигаться прямо сейчас! Члены семьи приедут уже через полчаса!

Когда Умэ-сан в спешке направилась к Сакурако-сан, я попросил ее взять инициативу в свои руки.

— Но ведь такой вид не подобает...

— С этим ничего не поделать! — крикнула Сакурако-сан Умэ-сан и развела руками. Она взяла с вешалки только пальто и сразу последовала за мной.

— Мне очень жаль! Умэ-сан! — извинился я перед старой кормилицей, которая плачущим голосом причитала «Молодая леди!» у входа, и вышел из особняка вместе с Сакурако-сан.

— Я скоро вернусь, — рассмеялась Сакурако-сан.

Мне было очень, очень жалко Умэ-сан, но я ничего не мог поделать.

— Итак, куда мы едем? — радостно вытянув руки, спросила Сакурако-сан, когда мы вышли на улицу.

Тогда я понял, что следующие несколько часов она будет всю злоупотреблять моим вниманием. От осознания этого факта я почувствовал себя подавленным и у меня закружилась голова. Сакурако-сан обещала вести себя тихо, но это совсем не про нее.

— Ох, ладно, нужно взять себя в руки...

Я позволил глубокому вздоху выйти из глубин моего животу и тайно ослепил проклятьями задницу Сакурако-сан, которая торжественным шагом шла передо мной.

Примечания

1. GeGeGe no Kitarou, также известной как Nakaba Kitarou. Очень старая манга 60-х годов.
2. Dragonfish или по-другому Sailfin Poacher. Вроде бы так на русском обзываются.
3. Злой дух
4. В конфуцианской философии сыновнее благочестие является достоинством уважения к родителям, старшим и предкам

Я пообещал матери подъехать к дому, который располагался примерно в двенадцати минутах езды от особняка Сакурако-сан.

Я намеревался ехать на автобусе, но потом увидел, что такси, остановившееся у особняка, свободно. Сакурако-сан быстро отреагировала и забралась в машину.

Благодаря тому, что мы приехал раньше, чем планировали, мне удалось заскочить в круглосуточный магазинчик рядом с домом и съесть онигири с икрой минтая, майонезом с тунцом и сливой. Икра минтая была недостаточно острой, майонез с тунцом чрезмерно соленым, а японские сливы абсолютно лишены какой-то кислинки. Только подумать, кто-то может посчитать это блюдо вкусным. Вспомнив вкусное жаркое с имбирем Умэ-сан, мое настроение еще сильнее ухудшилось.

Впрочем, несмотря на вкус, мой живот перестал урчать от голода. Вскоре, как я доел все три онигири и промочил горло остывшим чаем, появилась мать. Несмотря на то, что она была одета в модное пальто-пончо, теплая одежда под ней (в Асахикава сейчас холодно) сделала ее фигура похожей на куклу дарума¹. Я очень разочаровался внешним видом матери.

— Ах!

Когда наши взгляды пересеклись, мать прикрыла рот ладонью. Я понял, что произошло недопонимание, и был вынужден представить ей Сакурако-сан.

— Эмм, мам, это...

— Я знаю ее! Кому на знакома молодая леди Кудзё-сан!

Пока я растерянно застыл на месте, мать немного оттащила меня в сторону и легонько ткнула в бок.

— Правда? Ты знаешь ее?

— Разумеется! Вся земля района Нанко, на которой мы сейчас живем, в прошлом принадлежала семье Кудзё-сан. После войны они понемногу начали расставаться с землей, но даже сейчас память о их семье, как о известных землевладельцах, хранится в памяти каждого жителя!

— Ого... я знал, что у нее огромный особняк, но...

Особняк Сакурако-сан действительно большой. Говорят, в нем десять комнат, хоть Сакурако-сан и жила вдвоем с Умэ-сан. Но еще больше удивлял огромный сад, в котором находились два дельфина, детеныш норки, детёныш кита, голова бурого медведя, три оленя, лошади и другие живности, зарытые под землей.

— Семья Кудзё начала раздавать землю еще до смерти прошлого хозяина. Но когда речь заходит о нынешней хозяйке дома Кудзё-сан, всем известно, что она прекрасная молодая леди.

— Ого...

— Не "огокай"! Зачем ты ее привел!

— Я не приводил. Она сама изъявила желание приехать сюда.

— Что?

Наше перешептывание в стороне, Сакурако-сан окинула странным взглядом. Но после отвернулась и начала осматривать окрестности.

— Ладно... не беспокойся о присутствие Сакурако-сан.

— Не беспокоиться? У нее не было ни одной причины приезжать сюда!

— Все в порядке, просто оставь ее в покое. Сакурако-сан, как ребенок, делает все, что ей угодно.

— То, что ей угодно...

— Это правда. Она как ребенок поступает так, как ей заблагорассудится.

— Парнишка, я все слышу, — не глядя на меня, произнесла Сакурако-сан.

Она внимательно смотрела на окна многоквартирного дома моей матери перед собой. Обычно, вместо того чтобы строить новый дом, люди сдавали в аренду поддержанную недвижимость. Дом, в котором была нужная квартира, как раз один из таких. Он лишен всякой индивидуальности, но все равно производил некое ощущение надежности.

— А-ха-ха-ха... значит ты меня слышала?

— Твои слова обо мне — правда, но не думай о том, что я тебя не слышу.

Сакурако-сан произнесла свои слова непринужденным тоном, но кажется моя мать немного занервничала.

— Ах... да, сейчас ведь холодно, почему бы нам не согреться и не попить чая там...

Когда взгляды Сакурако-сан и моей матери пересеклись, мать торопливо указала в сторону кофейни, располагавшейся напротив многоквартирного дома.

— Не нужно беспокоиться, — решительно отказалась Сакурако-сан и схватила меня за руку. Под растерянный взгляд моей матери, в этот раз она оттащила меня в сторону. — Сколько еще ждать? Пойдемте.

— Нельзя. Сначала нужно дождаться членов семьи. Без их разрешения мы не можем открыть дверь.

— Досадно. Но хотя бы скажи какая квартира?

Сакурако-сан топнула ногой, как капризной кролик! Чтобы немного успокоить ее, я был вынужден срочно спросить у матери: «В какую нам квартиру?»

— Ах, да. Первая квартира на втором этаже. Там проживает молодая леди, Мидзусима-сан.

— ...А?

Слова прозвучали для меня как гром среди ясного неба.

— Мидзусима-сан...?

— Да. Она сообщила недавно, что выходит замуж, поэтому собирается переезжать. Надеюсь, с ней не случилось ничего плохого...

— Неужели она...

Я думал, что жилец квартиры какой-нибудь пожилой человек. Но оказывается там молодая леди, да еще и Мидзусима-сан.

— Да. Сами понимаете, переезд к молодому человеку не всегда простое занятие.

— Р-Разумеется...

Наверное, каждому знакомо с какими трудностями связана перевозка всех вещей в другое место. Кроме того, я знал "Мидзусиму-сан". Когда что-то происходит с незнакомым человеком, ты просто поражаешься. Но когда несчастье происходит со знакомым человеком, ты испытываешь настоящий шок. Боже, надеюсь с Мидзусимой-сан ничего не случилось.

— С ней все хорошо, я уверен...

Когда я вспомнил ее невинную и нежную внешность, меня охватила такая сильная тревога, что кончики пальцев задрожали.

— Первая комната на втором этаже... вон та? Шторы задернуты.

— В-верно...

— Не существует никакой причины задерживать шторы в такое время. Либо она ушла из дома ночью, либо умерла до восхода солнца.

— Пожалуйста, избавь нас от своих рассуждений!

Вопреки ожидаемому, на мое разгневанное лицо Сакурако-сан лишь удивлённо взглянула и ничего не ответила.

— Эй, как ты разговариваешь с молодой леди Кудзё-сан...!

Как тигр, мать вклинилась между нами, схватила меня за плечо и оттянула в сторону.

— Разве полчаса уже не миновали? Где те члены семьи? Почему их еще нет!?

— Думаю, время только что прошло...

— Ты не можешь позвонить им по телефону?

— Давай подождем еще немного...

— Парнишка.

— Да?

Сакурако-сан, наблюдающая за нашим диалогом, неожиданно показала вдаль. Если проследить за ее пальцем, можно было увидеть человека, перебегающего дорогу.

Кажется, человек тоже нас заметил. Это была молодая женщина в белом пуховике, судорожно пытающаяся согреть руки на морозе. Ростом примерно в 160 сантиметров ее щеки украшал ало-оранжевый румянец, что в купе с бледной кожей производило сильное впечатление. Короткие немного волнистые волосы были распущены. По ее виду сразу понятно, что она довольно модная личность.

— Эмм... вы домовладелица?

— Да. Меня зовут Татэваки-сан. Я домовладелица этого дома.

Когда моя мать представилась, женщина взволновано потянулась к воротнику пальто, чтобы поправить. Под пальто, кажется, у нее был только розовый халат. Брюки тоже не выглядели достаточно теплыми. Лишь окинув ее взглядом, мне стало холодно.

— Прошу прощения, что заставила вас ждать, — произнесла молодая женщина и извиняюще поклонилась. Ее пальто колыхнулось, и я увидел карточку с именем "Мидзусима". Одновременно в нос мне ударил слабый запах духов.

— Значит вы член семьи Мидзусимы-сан?

— Ах, да! Меня зовут Ёсими, я ее младшая сестра. Я должна была прийти с матерью, но вчера она поскользнулась и повредила спину...

— Ох! Я вас понимаю, вчера и правда было сколько, — болезненно преувеличенным тоном моя мать отреагировала на слова молодой женщины. — Хорошо, я могу открыть вам дверь, у вас есть какое-то удостоверение личности?

— Водительские права подойдут?

— Вполне. На них же есть ваша фотография и имя.

Ледяными, плохо слушающимися пальцами, молодая женщина, назвавшаяся Ёсими, достала из кармана бумажник от известного бренда и вынула из него водительские права.

— Мидзусима Ёсими-сан. Да... все в порядке.

— Этого достаточно?

— Могу я спросить, как зовут вашу мать?

— Мою мать? Мидзусима Миёко...

— "Ми", как красота, "ё", как эра и "ко", как ребенок?

— Да.

— Прошу извинить, я просто хотела подтвердить имя человека, подписавшего договор.

— Ничего...

Хоть Ёсими и понимала, что моей матери необходимо проверить личность, ее взгляд пополз в сторону нужных окон на втором этаже. Ее хотелось как можно скорее проверить квартиру, но кажется моя мать не собиралась входить в положение Ёсими-сан. Она полезла в сумку, чтобы достать нужный документ. Я хорошо осознавал беспокойство Ёсими-сан, поэтому, когда моя мать протянула ей документ со словами: «В таком случае не могли бы вы заполнить форму согласия...» — я очень расстроился ею.

— Офтальмология? — внезапно спросила Сакурако-сан.

— Простите?

Когда мать протянула Ёсими-сан шариковую ручку, вопрос Сакурако-сан заставил ее удивленно заморгать.

— Я спрашиваю, в этой ли больнице вы работаете.

— ...Но как вы догадались?

— Ваши туфли слишком легкие. До этого дома можно дойти только из близлежащих больниц.

Когда Сакурако-сан ответила на вопрос Ёсими, я окинул взглядом ее ноги и увидел, что на ней надеты красные крокодилы. Пускай сегодня и не шел снег, это не та обувь, в которой стоило ходить зимой.

— Когда я проезжала окрестности на такси, то заметила две близлежащие к этому месту больницы: медицинское отделение педиатрии и офтальмологию. Поскольку под вашим пальто сейчас надет розовый медицинский халат, который частенько носят медсестры в детских больницах, я сначала подумала, что вы работаете в педиатрии... — произнесла Сакурако-сан, тыкнув пальцем в направление медицинского отделения педиатрии.

— ...?

— Но потом я заметила небольшие круглые отметины на вашем макияже вокруг глаз.

Лицо Ёсими-сан приобрело подозрительное выражение, пока она заполняла форму моей матери.

— Эту отметину мог оставить только лазерный фотометр. Медсестры проводят за этим аппаратом больше времени, чем пациенты. К тому же от знакомой я слышала информацию, что в офтальмологию перевели новую медсестру.

— Вы абсолютно правы. Ваши слова вначале разговора, признаюсь, смутили меня, — добродушно рассмеялась Ёсими-сан, окончив заполнять форму согласия.

На какое-то время между нами повисла тишина. Ёсими-сан с интересом уставилась на Сакурако-сан.

— Ах, значит вы медсестра из офтальмологии, — громко произнесла моя мать, пытаясь разрушить неловкую паузу.

— Верно... я из офтальмологии, — кивнула Ёсими-сан.

Моя мать сразу же переключилась на Сакурако-сан и с наигранным восхищением в голосе обратилась к ней: «Ах, как быстро вы установили личность женщины!» — но Сакурако-сан просто проигнорировала похвалу. Ей безразлично чужое восхищение. Истина всегда скрыта на поверхности, нужно лишь внимательнее в нее взглядеться.

Наверное, из всех людей она уважала только своего дядю.

«Истина подобна костям. Несмотря на то, что они скрыты под кожей, жиром и мясом, кости существуют. То же самое можно сказать и о связи вещей с основанием в любой момент времени. Например, тело любого живого существа состоит из мышц и костей. Это состояние постоянно»

Вот почему Сакурако-сан хотела знать все. Она обожает кости. И не может сдержаться, чтобы не заглянуть за скрытые тайны мира, как под плоть существа.

— Ну что ж, поднимемся наверх, — произнесла моя мать.

То, что Сакурако-сан проигнорировала ее похвалу, рассердило мою мать. Её рассерженное лицо немного покраснело. Впрочем, у нее сейчас работа и именно Сакурако-сан нуждалась в ней. Со словами: «Кудзё-сан, нам пора, вы можете подождать в кофейне...» — она попыталась отвести от нас Сакурако-сан, но та снова ее проигнорировала.

— На второй этаж. Пойдемте.

Сакурако-сан пропустила мимо ушей слова моей матери и первой поднялась по лестнице. Сразу же за ней поднялся я, потом Ёсими-сан и замкнула шествие моя мать.

— Вот, это первая квартира на этаже.

Когда я поднялся по лестнице, Сакурако-сан стояла между двумя дверями, поэтому я указал ей на нужную. На дверях не было табличек с именами, но я знал в какой квартире живет Мидзусима-сан. В кожаных черных перчатках, Сакурако-сан потянулась и дернула за ручку.

— Заперто.

Сакурако-сан, взглянув на меня, еще раз подергала за ручку. Каждое ее движение сопровождалось характерным скрипом перчаток. Ёсими-сан снова бросила на Сакурако-сан подозрительный взгляд. Ей было совсем не понятно, кто эта девушка, и почему она возглавляет их шествие.

— Вы правда никак не могли связаться с ней? — спросил я Ёсими-сан, чтобы немного разрядить обстановку.

— Да. Она не отвечает ни на звонки, ни на электронные сообщения.

— А раньше такое бывало? — спросила Сакурако-сан, включившись в наш разговор.

— Ну, по крайней мере, она поддерживала связь с женихом каждый день.

— О чем они общались?

— А о чем они могут общаться? Наверное, о работе, кто когда вернулся; о еде, кто что съел на обед; о любви...

Неожиданно Сакурако-сан громко расхохоталась. Ёсими-сан посмотрела на меня, как будто требовала объяснений. Нормально ли вести такие разговоры? Конечно нормально, если у вас есть мобильный телефон и вторая половинка.

— Сакурако-сан.

Тем не менее слова Ёсими-сан оказались для нее очень смешными, и она не смогла сдержать хохот. Когда я дернул ее за рукав пальто, она лишь иронично взглянула на меня.

— Значит "Снег растает и исчезнет в весеннюю пору, но, если ты растаешь в моем сердце, мы больше не увидимся2"?

— Чего?

— Это не нормально. Похоже эпоха Хэйсэй3 сменилась на Хэйан4 без моего ведома, — по-прежнему хохоча во все горло, произнесла Сакурако-сан.

В растерянности Ёсими-сан опять взглянула на меня, требуя разъяснений. Видимо Сакурако-сан держала Ёсими-сан за дурочку. Я, конечно, не совсем уверен, но думаю моя догадка верна...

— ...Ладно, давайте отопрем дверь, — проговорил я.

Прежде чем Сакурако-сан успела обидеть всех, я выхватил ключ из рук моей матери и поспешил открыть дверь.

— Может она хотела побыть в одиночестве и все хорошо обдумать? Сами знаете брак не простая вещь...

— ...

Мы знали, что Мидзусима-сан собирается выйти замуж. Но на мой вопрос Ёсими-сан отреагировала мрачным взглядом, будто она хорошо знала свою сестру.

Но даже сестры разные существа. У меня хорошие отношения со старшим братом, но есть некоторые вещи, которые я не знаю о нем. То же самое касается и его, он не знает все вещи обо мне. Неужели Ёсими-сан, как и Сакурако-сан, в любой непонятной ситуации видит трупы?

Обдумывая эту мысль, я отпер дверь и отошел в сторону, чтобы Ёсими-сан первая вошла в квартиру. Сделав глубокий вдох, она решительно взялась за ручку и...

Лязг.

Раздался металлический звук и дверь отказалась открываться дальше.

— ...Ох.

— Дверь заперта изнутри на цепочку... — произнесла Сакурако-сан. Ее брови поползли вверх. Когда я перебросился взглядом с Ёсими-сан, то почувствовал слабость в коленках.

— Кажется у нас неприятности, — спокойным голосом отозвалась моя мать. Похоже, она еще не поняла, что могла означать эта цепь. — И что нам делать? Продолжить попытку открыть дверь?

Какой глупой вопрос. Она и правда ничего не поняла.

— ...Пожалуйста.

— Мы можем перерезать цепь, но тогда вы заплатите за ремонт, хорошо? — с раздражением в голосе произнесла моя мать, что вконец вывело меня. Я схватился за рукав ее пальто.

— Чего?

Я тащил свою недовольную мать за собой и спустил ее с лестницы.

— Да включи свой мозг! Если цепочка заперта изнутри, значит в квартире человек!

— ...О чем ты... ах, боже!

Пусть и не сразу, но мать, наконец, осознала всю серьезность ситуации.

Все верно. Если дверь заперта на цепочку, значит внутри квартиры должны быть люди. Конечно, в квартире не обязательно должна находиться Мидзусима-сан, ведь мы не слышали ни одного звука присутствия людей. Моя мать поспешно вышла на улицу к машине и принесла с собой ящик с инструментами, лежащий на заднем сидении.

— Вот... пожалуйста, — одновременно испуганным и растерянным голосом мать обратилась ко мне и передала ящик с инструментами. Мне поручили совсем не веселую работу, но сейчас нет времени на жалобы.

Я поднялся по лестнице и вернулся обратно к Сакурако-сан и Ёсими-сан, которая вся дрожала от ужаса. Очевидно, пока нас не было, Сакурако-сан опять опустила какой-то грубый комментарий. Про себя я извинился перед Ёсими-сан, мне не стоило оставлять ее наедине с этой девушкой.

Впрочем, сейчас моя главная цель — перерезать цепь.

— Думаю, удастся порвать ее.

— Пожалуйста, — отреагировала Ёсими-сан и поклонилась мне.

Несколько раз сжав и разжав кулаки, я сделал глубокий вдох. Почему-то я чувствовал себя разбитым до такой степени, что дверная ручка казалась вдалеке от меня. Но сейчас не время хандрить. Неизвестно как отреагирует полиция и приедет ли она на наш вызов. У меня нет другого выбора, кроме как самому открыть дверь.

— ...

Медленно я приоткрыл дверь. Как и ожидалось мои уши не уловили никакого шума в глубине квартиры. Мой мозг орал мне убегать, но дрожащими руками я потянулся к цепочке. Внезапно, когда я уже собирался вложить силы в кусачки, я ощутил прикосновение Сакурако-сан на своей спине.

— С-Сакурако-сан?

— Когда откроешь дверь, мы должны войти первыми, — прошептала Сакурако-сан мне на ухо.

— Почему?

— Воняет. Если ты хочешь избежать сожалений, позволь мне войти первой.

— Запах...? — тихо спросил я, но Сакурако-сан уже отстранилась от меня.

Когда Сакурако-сан опустила странную фразу, я невольно несколько раз втянул носом воздух. Но кроме слабого аромата лаванды, который ощущался в прихожей, я ничего подозрительного не учуял.

— ...

Я не должен позволять Сакурако-сан так воздействовать на меня. Передо мной ответственная задача. Она не особо сложная, но требует некоторой силы. Я опять сделал глубокий вдох и вложил силу в кусачки.

Чувствуя на своей спине тяжелые взгляды Сакурако-сан, Ёсими-сан и моей матери, я вложил все свои силы в руки. Цепь, со стороны выглядевшая очень прочной, на удивление легко сдалась. Когда я стиснул зубы и вложил всю свою массу в хватку, кусачки разорвали цепь. Я отошел назад и этим сразу же воспользовалась Сакурако-сан.

— Сакурако-сан!

Поспешно я попытался остановить Сакурако-сан, но та быстро скинула обувь и вошла внутрь. Мне не удалось ее остановить... вот почему я обернулся к Ёсими-сан, которая с удивлением смотрела на нас.

— Эмм... вы не возражаете, если мы войдем первыми...?

— ...

— В квартире могло случиться что-то плохое... Я обещаю ничего не трогать внутри!

Со стороны мое предложение казалось абсурдным, но к удивлению, Ёсими-сан кивнула.

— Прошу.

— А?

Когда я с удивлением посмотрел на Ёсими-сан, она опять кивнула мне. Хотя в это раз ее кивок головой был больше похож на просьбу, чтобы мы вошли первыми, а не она.

— Эмм... нам действительно можно?

— Все в порядке, прошу.

— Но...

Я не мог скрыть своего замешательства, но лицо Ёсими-сан приобрело просящее выражение. Похоже ее очень хотелось оттянуть возможный неприятный момент с членом ее семьи.

— Все в порядке, делаете то, что нужно, — со скрытым рыданием в голосе, Ёсими-сан дважды кивнула.

Мне хотелось произнести хоть какие-то слова утешения, но я понял, что сейчас они не к месту.

— Хорошо.... Тогда извините за вторжение.

Я поблагодарил Ёсими-сан и зашел в прихожую. Скинув обувь, я опять почувствовал запах лаванды. Прихожая была чистой и прибранной. Кроме нашей с Сакурако-сан обуви никакой другой не было.

— Ох...

Я не смог сдержать удивительного вздоха в отличие от Сакурако-сан. Через полуоткрытую дверь прихожей я мог видеть состояние гостиной.

— Ужасно... что здесь произошло?

Невольно из моего горла вылетел стон. Несмотря на то, что окна в гостиной плотно зашторены, с помощью электрического освещения можно было разглядеть всю ужасную подноготную.

...Вандализм.

Первая моя мысль, когда я увидел гостиную. Естественно, беспорядок не рук Сакурако-сан. Ее нельзя назвать любящий порядок девушкой, но даже она не могла создать такой хаос за короткий промежуток времени.

По всей гостиной были разбросаны вещи. Осколки стекла, опрокинутые комнатные растения, порванные журналы, разбитый телевизор, открытая аптечка с разбросанными медикаментами... Все выглядело так, будто по комнате прошелся небольшой торнадо.

Ступая осторожно, чтобы не наступить на разбросанные вещи, я последовал за Сакурако-сан, которая к этому времени уже покинула гостиную. Я просто шел по разгромленной гостиной, и ощущал себя негодяем, который подсматривает за частной жизнью. Но разбросанные повсюду вещи просто приманивали к себе взгляд. Вот лежит свежий выпуск кулинарного журнала, раскрытый на страничке "Как приготовить домашний джем!". Рядом лежал нарядный альбом (позже я узнал, что это скрапбукинг⁵). Разорванная коробочка с черным чаем из специализированного магазина. Пустые коробочки от натуральных продуктов, которые видимо были доставлены почтой из Англии... Да, комната Мидзусимы-сан видела лучшие времена.

— Сакурако-сан, кажется, тут произошло что-то плохое.

Видимо все это время Сакурако-сан была в спальне. Когда мой взгляд упал на розовое белье на диване, с которого наполовину было содрано покрывало, я поспешно отвел взгляд.

— Ты где сейчас?

— Парнишка, сюда.

Чувствуя, как мои щеки пылают, я оглядел комнату, потому что голос Сакурако-сан послышался откуда-то сзади, и увидел еще одну дверь. Когда я подошел ближе, то увидел ягодицу Сакурако-сан в джинсах, выглядывающую сквозь щель между косяком и дверью спальни.

— Пожалуйста не трогай ничего в комнате, — сквозь щель попросил я Сакурако-сан, когда увидел, что она сидит на корточках перед кроватью. — Сакурако-сан...?

— ...

Вместо ответа Сакурако-сан сняла свои черные кожаные перчатки и надела одноразовые медицинские, которые всегда носила в кармане.

— Сакурако-сан... ох!

Когда я распахнул дверь, мое тело тут же застыло на месте. Сцена, которую мне бы хотелось позабыть навсегда, снова воскресла в моей памяти.

— Это же...

Почему? Слова застряли в моей глотке. То, чего больше всего я боялся и к чему не был готов, снова предстало перед моими глазами.

— Кха... кха... кха...

Мои колени потеряли силу, и я опустился на пол. Мой нос сразу учуял слабый запах аммиака, перемешанный с трупным запахом.

— Эта женщина, она нужен нам жилец?

Зажимая рот рукой, я несколько раз кивнул. Тело Мидзусимы-сан раскинулось перед моими глазами. Верхняя ее часть тела лежала на полу в ногах у Сакурако-сан, а нижняя часть было закинута на кровать.

— Пахнет пока не так сильно. Если бы не запах аммиака, как от недержания мочи, я сразу и не обратила внимание на эту комнату.

— Ох...

Такое ужасающее зрелище, я даже усомнился в том, что вижу. Язык Мидзусимы-сан был высунут наружу, а глаза, в которых застыла агония, широко распахнуты.

Прекрасная Мидзусима-сан.

Тонкие, изящные, белоснежные пальцы были все скрючены от страданий и окрасились в синевато-черный цвет. Одна из ее грудей оголилась из ночной сорочки, но меня больше поразило не это казавшее пошлым зрелище, а бледный практически бесцветный оттенок кожи.

— Ууу...

В тот момент, когда печаль, будто гвоздями, начала царапать мое сердце, я почувствовал приступ страха, гнева и отвращения. Слезы во всю капали из моих глаз, а к горлу подступила рвота.

Я всегда задумывался почему. Будь то близкий или любимый человек, если смерть произошла внезапно, начинаешь чувствовать пугающий страх и отталкивающее физиологическое отвращение. Словами сложно выразить всю мою печаль и боль. Я был так расстроен, что просто закрыл лицо руками и прижался лбом к полу.

Зрелище слишком ужасное, я не хотел, чтобы мое последнее воспоминание о Мидзусиме-сан было таким. Но когда я зажмурился, то осознал, что широко распахнутые глаза этой женщины четко отпечатались в моем сознании. Уверен, мне никогда не забыть их.

— Хмм, все пятна на теле выглядят как трупные. Это комната выходит на солнечную сторону?

— Нет... не думаю.

— Роговица мутная, но не такая сухая, как я предполагала. Зрачки расширены.

И снова на руках Сакурако-сан были ее кожаные черные перчатки, которые при каждом соприкосновении издавали неприятный скрип. Видимо медицинские одноразовые она где-то уже сняла.

— Тело начало коченеть, но живот все еще можно продавить. Учитывая температуру в комнате, с момента смерти прошло около двадцати четырёх часов.

Когда я поднял голову, то увидел сияющие от радости глаза Сакурако-сан. Я не ненавидел эту черту в ней. Люди не должны чувствовать счастье от смерти человека.

— Сестра!! — раздался крик за нашими спинами. — Ах, этого не может быть! Сестра!

Я уже позабыл... Все это время с нами была госпожа Ёсими-сан.

— Боже, только не это... сестра! Еще позавчера мы с тобой весело болтали!

Мне стоило догадаться, что, если нас долго не будет, Ёсими-сан сама зайдет в квартиру. Войдя в спальню к нам, она рухнула на пол перед трупом Мидзусимы-сан.

— Все так ужасно, повсюду полный беспорядок... что произошло? Что произошло с моей сестрой!

Дрожащий голос Ёсими-сан не выдержал, и она разрыдалась, обняв труп сестры. Боже какой я дурак. Если бы я не поддался чувствам, то мог преподнести ей "смерть" Мидзусимы-сан мягче.

— Что мне делать...? — голосом полным слез спросила нас Ёсими-сан, нежно поправив челку Мидзусимы-сан.

— Думаю, нам стоит позвонить в полицию.

— А...?

— В квартире валяется труп. Нужно оповестить об этом полицию.

— Валяется ...

В голосе Ёсими-сан прозвучали сердитые нотки.

— Сакурако-сан! — не сдержался я и закричал на Сакурако-сан. Она удивлённо посмотрела на меня и сжала губы. Я знаю, что Сакурако-сан не хотела никого обидеть. Но ее обыденные бессердечные слова ни к месту в этой ситуации.

— ...Но нам и правда следует позвонить в полицию. Поэтому пока лучше не трогать вещи Киёми-сан...

Позвонить в полицию — единственная правильная вещь в текущей ситуации. Понимая, что в комнате Ёсими-сан, чтобы не произошла путаница, я впервые назвал Мидзусиму-сан по имени.

Чистая и прекрасная.⁷

Когда впервые я услышал его, то подумал, как прекрасно оно подходит для нее. Но сейчас я чуть не расплакался, упомянув это чудесное имя.

— ...О чем ты?

— Все выглядит так, будто в комнате произошла борьба. Возможно, в этом замешаны какие-то преступники...

— То есть ты говоришь, что мою сестру убили?

— Думаю, такую возможность нельзя отбрасывать со счетов.

— Боже! Но почему! Почему мою сестру!?

Я не отношусь к тем людям, которые впутываются в преступления. Думаю, так же о себя думала и Ёсими-сан. Но в преступлениях замешены не только негодяи. Печальная реальность, каким бы чистым ты не был, твою жизнь может оборвать совершенно незнакомый человек. И так происходит каждый день, каждую минуту. Абсолютно невидимая смерть каждую секунду стоит за нашими спинами.

— Киёми...?

Неожиданно у входной двери я услышал незнакомый голос, общающийся с моей матерью.

Прежде чем я успел подумать, Ёсими-сан вздрогнула и вскочила на ноги.

— Ёсими-сан... что здесь происходит? — спросил молодой мужчина, с удивлением оглядывая беспорядок в комнате. Полурасстегнутое пальто на нем очень походило на пальто Ёсими-сан.

— Моя сестра!

Ёсими-сан быстро подбежала к мужчине, прижалась к его груди и громко заплакала. Она испустила такой скорбный крик боли, что мое сердце чуть не разорвалось в тот же момент на части.

— ...Что... что здесь произошло...

— Ах, познакомьтесь. Это жених Мидзусимы-сан, — донесся голос моей матери из прихожей. Она не решилась зайти вглубь квартиры, но по виду плачущей Ёсими-сан ей стало все понятно, и она нахмурила лицо. Без сомнений сейчас в ней боролись два противоборствующих чувства. С одной стороны ей было жалко Ёсими-сан, с другой стороны она начала обдумывать дальнейшую судьбу квартиры и попытки ее повторной сдачи.

Тем временем мужчина, казалось, был смущен плачем Ёсими-сан, но он нежно погладил ее по спине, как бы успокаивая, и кивнул в нашу сторону.

— Меня зовут Хасигути. Я врач-офтальмолог из ближайшей больницы. Киёми моя невеста.

Мужчина, назвавший себя Хасигути, выглядел немного старше Мидзусимы-сан и на первый взгляд производил впечатления симпатичного человека с чувством чистоты, но кричащего цвета розовый галстук под белым халатом все нарушал. Непонятно, что нашла в нем Киёми-сан. Возможно, в этой ситуации мои слова могут прозвучать грубо, но я совсем не расстроен, что он не женится на Киёми-сан... Возможно это только мое желание, но рядом с Киёми-сан мне бы не хотелось видеть такого неуклюжего человека.

Однако это не означает, что мне нравится такое печальное воссоединение Хасигути-сана с невестой. Мое сердце было готово разорваться на части от траурных лиц близких Киёми-сан.

— Так... что с моей Киёми?

— Там... — кивнул я в сторону спальни и посмотрел на пол.

— ...Быть не может, Киёми!

По-прежнему с опущенными глазами я прошел мимо Хасигути-сана и Ёсими-сан, которая побежала за мужчиной, и бросился к входной двери.

— Боже мой! Киёми! Киёми!

— Сестра-а-а-а!

Два крика боли ударили мне в спину и в конец сломили меня. Я больше не мог сдерживать плач.

— Уууу...

Когда я попытался подавить рыдание, к моему горлу подкатила рвота. Я отчаянно зажал рукой рот, удерживая и плач, и желудочный сок. Сакурако-сан, наблюдая за моими страданиями, вздохнула, будто ей было скучно. Честно говоря, в такие моменты мне казалось, что даже ее сердце состоит из твердых, холодных костей.

— Сакурако-сан... — когда я обратился к ней, она подняла ладонь, призывая меня помолчать.

— Телефон, — произнесла Сакурако-сан и вытянула ко мне руку.

— А?

— Мы обязаны доложить о произошедшем. Кроме нас никто не сможет это сделать.

— ...Ты права.

Конечно, она права. Оба близких жертвы в самом разгаре горя, а моя мать, не отрываясь, смотрит на дверь. Мы единственные, кто могут позвонить в полицию. Когда я уже собирался позвонить, белые пальцы Сакурако-сан вырвали из моих рук смартфон.

— Эй... Сакурако-сан?

Она набрала незнакомый мне номер и через какое-то время произнесла: «Это я».

— Я нашла труп жильца в одной из квартир, которыми управляет мать парнишки. Что случилось — неизвестно, но предварительно смерть произошла сутки назад. Да, я понимаю, что доставляю тебе дополнительные хлопоты. Адрес? Сейчас... — Сакурако-сан быстро перебрала разбросанную корреспонденцию на низком столике и без запинки сообщила адрес квартиры. Если судить по разговору, возможно, она позвонила Арихара-сану.

Арихара-сан — жених Сакурако-сан и работает в полиции. Он отличный парень, который хорошо развит как физически, так и в умственном плане. Его никак нельзя было сравнить с Сакурако-сан. Хоть Арихара-сан и был немного старше ее, кажется, их отношения завязались с

так называемых «друзей детства».

— Готово. Скоро сюда подъедет полиция, — произнесла Сакурако-сан и вернула мне телефон.

Внезапно, она резко присела на корточки и потянулась к сумке с корреспонденцией, которая была разбросано по всему низкому столику.

— Сакурако-сан! Ты не можешь прикасаться к вещам!

— Почему?

— Существует вероятность, что здесь произошло преступление.

— Преступление? Дверь была заперта на цепочку, — совершенно не обращая на меня внимание, Сакурако-сан ответила мне и начала копаться в сумочке Киёми-сан.

— Да, но...

Не знаю, дело привычки это или нет, но Сакурако-сан вытряхнула все содержимое из сумки и начала аккуратно сортировать. Мобильный телефон, ключи с брелоком, чехол, чехол, еще чехол... три мешочка разных размеров и разных типов: с носовыми платками, с одноразовыми салфетками и с шариковыми ручками.

— Хмм.

Видимо бумажник остался в сумке. Сакурако-сан вынула его, открыла, убедилась, что деньги не исчезли, и отложила в сторону.

— ...Значит тут побывал не вор?

— Похоже на то. Тем более окна в квартире закрыты изнутри. Я сразу проверила это.

Когда стало понятно, что дело не в деньгах, внизу моего живота похолодело. Неужели все дело в личной обиде? Или преступление с целью убийства? Разгром в комнате свидетельствовал о сопротивление со стороны Киёми-сан. Это можно было понять и по наполовину обнаженной груди...

— Буэээ...

На секунду представив, как она страдала в момент убийства, я не выдержал и меня стошнило в ближайшую мусорную корзину. Я ощутил, как непереваренные онигири выходят из моего

горла.

Молча, Сакурако-сан порылась в моей сумке и достала недопитую бутылку чая. Хотя у меня и болело горло, я прополоскал его двумя глотками чая, и приступ тошноты унялся. Отложив бутылку в сторону, я вцепился в себя руками, как бы обнимая самого себя. Я вцепился в свою куртку так крепко, что та угрожающе затрещала.

— Кто это сделал...

— Кто же?

Когда я пробормотал в пустоту, Сакурако-сан странно моргнула.

— ...Что?

— Я уже говорила, что все окна были закрыты. Входная дверь, как ты помнишь, тоже.

— ...?

От слов Сакурако-сан мое сердце забилося сильнее.

— Окно и двери закрыты изнутри. Ты знаешь, как могло произойти убийство в закрытой квартире?

— В закрытой квартире...?

На глазах растерянного меня. Сакурако-сан начала укладывать обратно в сумку все отсортированное содержимое. Момент, и вот она положила в сумку ключи с брелоком и застегнула молнию.

Все верно. Абсолютно закрытая квартира изнутри. Сакурако-сан сказала, что проверила все окна, нет причин сомневаться в ее словах.

— Может...

В ситуации, которая сильно смахивала на детективный роман, я услышал далекий вой сирен.

— Как я и думала, он быстро.

— Это ведь Арихара-сан из департамента общественной безопасности? Вполне естественно для

человека такой профессии быстро среагировать на вызов.

— Отец Наоэ тоже работал в департаменте общественной безопасности. Похоже, он унаследовал свои способности от отца. С точки зрения карьерного роста, он на самом дне по сравнению с полицейским департаментом и департаментом безопасности. Его работа больше похожа на работу для идиотов.

С этими словами Сакурако-сан встала и протянула мне носовой платок. Лишь только после этого я заметил, что помимо слез из моего носа потекли сопли. Когда я в панике начал утираться, я почувствовал тонкий, успокаивающий аромат особняка Сакурако-сан.

— Пойдем. Я ненавижу иметь дела с полицией.

— Хорошо... Думаю, нам не стоит беспокоить Арихара-сана.

Пока Сакурако-сан надевала обувь, я немного успокоился и привел себя в порядок благодаря ее носовому платку. Прежде чем выйти из квартиры, я обернулся в сторону тела Киёми-сан, но разгромленная гостиная и настежь открытая дверь скрыли от меня нелицеприятное зрелище. Внутри себя я испытал облегчение.

— Подожди...

Моя мать попыталась заговорить со мной, но я лишь бросил ей: «Я сделал все, что мог» — и начал спускаться по лестнице вслед за Сакурако-сан. В конце концов мы и правда сделали все возможное. С остальным моя мать должна справиться сама.

— ...Знаешь, нельзя так просто использовать человека, потому что он твой жених.

— Он не мой жених, а я не его невеста. Его выбрали мои родители. Я не вижу ничего плохого, чтобы использовать его в своих нуждах.

— О чем ты говоришь? Разве третий отдел по иностранным делам не борется с международной преступностью?

— А ты хорошо осведомлен.

— В прошлый раз я нашел эту информацию в интернете.

— Ну, как и отец, он охотится на крайне левых коммунистов.

Мы спустились по лестнице и вышли из дома. Я попытался забыть то, что увидел в квартире

Киёми-сан, но это невозможно. Я был вынужден сделать глубокий вдох, чтобы снова не разрыдаться.

— Так... и куда мы теперь?

— Если останемся здесь до приезда полицейских, то будем вынуждены ответить на множество вопросов. А это хлопотно.

— Тогда... как насчет выпить чашечку чая у меня дома?

— Не стоит... Давай лучше погреемся в той кофейне, — предложила Сакурако-сан и указала пальцем на ту самую кофейню напротив дома. Если мы пойдем туда, то сможем понаблюдать за происходящим. Почему-то Сакурако-сан выглядела встревоженной. Со всех ног мы бросились к кафе от приближающихся красно-синих огней полицейских машин.

Примечания

1. Японская традиционная кукла-неваляшка

2. Строчка из японского стихотворения. Переводится как-то так, можете глянуть сами <https://art-tags.net/manyo/nine/m1782.html>

3. Нынешняя эпоха Японии

4. Эпоха 1700-х годов

5. Вид рукодельного искусства, заключающийся в изготовлении и оформлении семейных или личных фотоальбомов

6. У автора фетиш на женские задницы

7. 〇〇 (киё) — чистый, незапятнанный; 〇〇〇 (ми) — красивый, прекрасный

Часть 3

Кофейня располагалась в многоквартирном доме, в бывшей квартире, которую под старость лет хозяин решил использовать в других целях. Хотя внутри и не было ощущения домашнего уюта, атмосфера бывшего жилого помещения, заставляла чувствовать себя будто ты пришел не в заведение, а в гости к другу.

— Пожалуй... здесь можно обрести духовной покой, да...?

Дверной звонок, издавший громкой звон, приятно удивил меня. Внутреннее убранство поражало с первого взгляда. Видимо жена хозяина заведения «болела» по лоскутному шитью. Ее изделия украшали стены и столы. Деревянная мебель по своему внешнему виду давала понять, что изготовлена вручную. Кругом стояли горшки с различными декоративными растениями. Когда я вспомнил, что Киёми-сан тоже любила растения, слезы снова чуть не брызнули из моих глаз.

— Пожалуйста, выбирайте любой столик, — с добродушной улыбкой на лице поприветствовал нас седовласый хозяин.

Конечно же без долгих раздумий мы сели за столик у окна. Расположившись, я взял в руки меню и обнаружил, что оно трудночитаемое, так как было полностью написано от руки. Тем временем у многоквартирного дома матери остановились полицейские машины.

— ...

Мы считаемся обыкновенными гражданскими, но, если попробовать поинтересоваться у Арихара-сана, возможно он расскажет нам некоторые детали расследования. Однако мне очень хотелось получить максимум информации с места происшествия своими глазами. Я даже пожалел, что ушел, хоть разговор с полицейскими действительно достаточно хлопотный... Но свой человек в полиции обязан поделиться с нами информацией, верно?

— Два горячего шоколада, пожалуйста.

— А?

Пока я парил в своих мыслях, Сакурако-сан подняла голову от меню и сделала заказ.

— Горячий шоколад. Хорошо, сейчас принесу его вам.

Я не успел даже возразить. По-прежнему с добродушной улыбкой на лице, хозяин заведения пробормотал: «Две порции» — и ушел от нашего столика.

— Значит... горячий шоколад?

— Что?

Почему бы перед озвучиванием заказа, не спросить меня, чего я хочу, Сакурако-сан? Ведь горячий шоколад... Ах, неважно. Я решил проглотить свою жалобу.

— ...Да ничего... просто я подумал, что обычно пью кофе.

Когда я невольно опустил свой комментарий, Сакурако-сан сердито надула щеки, как рыба фугу.

— Я не очень люблю кофе. Разве у него не неприятный запах? В запах кофе входит метилмеркаптан. А так пахнут трупы. Разве тебе этот запах не омерзителен?

— Я не предлагал тебе пить кофе вместе со мной.

Пахнет так же, как и труп... Честно говоря, такое сравнение немного шокировало меня. Но ведь Сакурако-сан сама сказала, что так пах один из компонентов, создающий уникальный аромат кофе. Кроме того, она могла заказать горячий шоколад только себе. Пока я с хмурым лицом смотрел на нее, Сакурако-сан ткнула в меню, будто хотела мне что-то показать.

— Смотри, у них в меню есть зефир.

— Ну и что?

— Я многократно просила бабушку добавить зефир в горячий шоколад.

Значит все дело в зефире? Разве она не богатая молодая леди и не может позволить купить зефира столько, сколько захочет? Пачка обычного зефира продается в супермаркете примерно в 100 иен, а цена высоkokлассного не превышает и 1000 иен.

Похоже Сакурако-сан прочитала мои сомнения и поспешила объяснить.

— Когда я была маленькой и жила в американской принимающей семье¹, мне всегда давали горячий шоколад с зефиром. Плавающий зефир в чашки всегда был таким сладким и приятно таял на моем языке. Восхитительно. Но бабушка говорит, что слишком много сладостей вредно. Сколько я не просила, она делает мне только обычное какао.

— Все это здорово... но причем тут я?

— Горячий шоколад с зефиром восхитителен. Ты обязан попробовать со мной.

— ...

Продолжать дальше спорить бессмысленно... я сдался и тяжело вздохнул. Ее история никак не повлияла на меня, но похоже своим поступком Сакурако-сан хотела продемонстрировать свою доброту ко мне и поделиться своей любимой сладостью. Мне не оставалось ничего другого, кроме как выпить. «Поступок настоящего взрослого», — успокаивал себя я этой мыслью. Во всяком случае, выпив угощение Сакурако-сан, я ничего не потеряю.

Еще раз глубоко вздохнув, я постарался взять себя в руки и посмотрел в окно. Там, на входной лестнице моя мать, окруженная полицейскими, что-то говорила. И если судить по ее выражению лица разговор был не из легких.

— Шесть человек. Не пожалел и послал столько людей, — удивленно протянула Сакурако-сан. Тем временем двое полицейских продолжили беседу с моей матерью, а оставшиеся четверо начали подниматься по лестнице.

— Что-то случилось? — спросил седовласый хозяин, когда принес нам стаканы с водой. Его брови нахмурились, а на лбу над переносицей залегла морщина.

— Что случилось... наверное воры... сами понимаете, в беспокойное время живем, — туманно пробормотал я, внимательно разглядывая подставки, изготовленные из лоскутной ткани.

— Возможно. В последнее время в нашем районе объявился извращенец. В это холодное время года, он бродит в одном пальто на голое тело. Проблема крайне щепетильная, ведь моя внучка еще посещает начальную школу. Ассоциация родителей и учителей порекомендовала сопровождать детей по дороге в школу, на что сильно ворчит моя дочь.

— Ха...

— Из-за всех неприятностей, скоро будет проблематично выйти вечером за продуктами для ужина. На улице холодно, не хотелось бы добираться до магазинов по обходным путям. Недавно у моей внучки поднялась температура, и моей жене пришлось прийти к дочке, чтобы приготовить им ужин. Что за "страшная" история.

Я не совсем понял, назвал он историю "страшной" или "утомительной" на диалекте Хоккайдо², но долго раздумывать над этим не стал, ведь и то, и другое значение применимо в его рассказе. Хозяин говорил продолжительное время в надежде, что мы поддержим разговор, но делать этого я не собирался. Новость о "извращенце" полностью поглотила меня.

Неужели именно этот извращенец напал на Киёми-сан. Я вообще не знал, что в этом районе объявился такой опасной человек. Что делала полиция? Неужели она не смогла его остановить.

Я не проронил ни слова, а Сакурако-сан прижалась лицом к стеклу и делала вид, что слушает историю хозяина (хотя уверен, как и я, она пропускает все мимо ушей). Наконец хозяин произнес что-то наподобие: «Ох, кажется вода закипает» — и неловко покинул нас. Я ощутил облегчение, потому что не мог больше следить за его рассказом.

Мигающие сирены полицейских машин терзали мое сердце. Когда я закрыл глаза образ несчастной Киёми-сан предстал в моей голове. С чувством легкой тошноты, я чувствовал, как ее осуждающий взгляд спрашивал меня: «Почему ты не помог мне?»

— Извините за ожидание.

Чуть погодя седовласый хозяин вернулся к нам с двумя чашками из неглазурованного фарфора, в которых был налит горячий шоколад.

Две чашки с налитыми доверху горячим шоколадом, в которых плавал кусочек зефира.

— Пожалуйста, выбирайте. Обычно все выбирают корицу, но, если добавить немного гвоздики, японского перца или перца чили, будет тоже вкусно.

Вместе с порциями горячего шоколада, хозяин принес небольшую миску со взбитыми сливками и такую же небольшую корзинку со специями. В этот раз он покинул нас сразу же, но его выражение лица, замеченное мною, было подозрительным. Он видимо не понимал, кем мы приходимся друг другу. Для родителя и ребенка наша разница в возрасте не так огромна, а на парочку мы не похожи. К тому же Сакурако-сан по-настоящему красивая девушка, а я всего лишь обыкновенный старшеклассник.

— Ммм, пахнет вкусно.

Возможно, в будущем, когда повзрослею, наши с ней встречи будут поводом гордости для меня... А сейчас Сакурако-сан положила три ложки со взбитыми сливками, сделала глоток и добавила еще две ложки.

— Ты не перестаралась?

Как сильно она любит сладкое? Когда я сделал глоток, то почувствовал теплый и насыщенный вкус шоколада, но сладость ощущалась скромно, вот почему я ничего не имел против зефира. Настоящий взрослый вкус, который можно разбавить различными специями. Я старался подражать взрослым, но так как я еще несовершеннолетний ребенок с детским языком, мне не хватило сладости, и я тоже добавил пару ложек взбитых сливок. Гладкость, свойственная молочному жиру, показалась мне достаточной, и я решил больше ничем не мешать вкус.

Я обошелся без добавлений пряностей. Я не отношу к тем людям, которые экспериментируют над собственным блюдом. Сакурако-сан, кажется, тоже не использовала пряности. В полном молчании мы потягивали горячий шоколад. Хотя, признаюсь, я больше притворялся, что пью и на самом деле просто поднимал чашку к своему лицу. Когда я глянул на стену, то увидел часы, показывающие, что время перевалило за три часа дня.

— ...Сегодня.

— Да?

— Спасибо, что пошла со мной сегодня.

Мне хотелось продолжить нашу молчанку, но я чуял спиной, что хозяин наблюдает за нами. Вот почему наигранно веселым голосом я заговорил с Сакурако-сан.

— Ты не должен благодарить меня за это.

Моя благодарность, кажется, заставила Сакурако-сан почувствовать себя неловко. Но я не закончил и тем же наигранно радостным голосом продолжил диалог.

— Да, но, если бы не ты, Сакурако-сан, отчаяние поглотило меня.

Я не слукавил. Если бы не она, сомневаюсь, что смог сам успокоиться и прийти в себя. Её присутствие всегда действовало умиротворяюще на меня.

— ...Или ты считаешь, что я должен обижаться на тебя? — самопроизвольно вырвалось из меня и я впился глазами в стол.

— Что ты имеешь ввиду?

— Ты знаешь. Когда я с тобой, мы всегда находим трупы.

Я никак не мог разобраться в своих чувствах. Моя благодарность к ней была перемешана со злостью.

— А-ха-ха!

— ...Я насмешил тебя?

Когда Сакурако-сан громко рассмеялась, я невольно поднял голову.

— Ага. Я вдруг вспомнила, что в моей жизни уже была женщина, которая говорила точно такие же слова, что и ты.

— Точно такие же?

— Да. Моя мать. Биологическая, — произнесла Сакурако-сан и залпом допила остатки горячего шоколада.

— Извини, я не хотел тебя обидеть.

С большим опозданием до меня дошло, что я не должен был это говорить.

— Ничего, все в порядке. Ты прав.

— Но...

— Все в порядке, не волнуйся. Трупы всегда лежат у моих ног.

— Сакурако-сан...

Я не знал всех подробностей, но без сомнений для Сакурако-сан слово "биологическая мать" — табу. Еще раз отругав себя за длинный язык, я молча придвинул к ней свою порцию горячего шоколада, к которой практически не притронулся. На мой жест Сакурако-сан нежно улыбнулась. Ее улыбка, наверное, была главной причиной, из-за которой я не мог возненавидеть ее. Сакурако-сан плохо общается с людьми, своими бессердечными комментариями она даже жестока, но черт возьми, у нее такая милая улыбка.

— ...Пожалуйста, прекрати таскать с собой повсюду одноразовые резиновые перчатки, — произнес я, наблюдая, как Сакурако-сан радостно начала добавлять ложки со взбитыми сливками в предложенный мною горячий шоколад.

— Почему? Они ведь такие удобные. Эти перчатки сделаны из нитрила, поэтому стоят дороже, но зато они более устойчивы к маслам и химикатам, чем обычные из латекса. В них я могу без всяких забот прикасаться к трупам, — поджала губы Сакурако-сан и пристально уставилась на меня. — Я ношу их не для того, чтобы наткаться на человеческие трупы. Кости везде. Они внутри и снаружи нас. Я люблю кости, но я против отнимания жизни у живых существ. Я собираю кости и работаю только с мёртвыми телами животных.

— Умэ-сан больше не сердится на твоё хобби?

— Уже нет. Помню, когда мне было лет десять или около того, в качестве первого трупа я принесла сбитую ласку, валявшуюся у обочины дороги.

— С десяти лет...

Только подумать Умэ-сан испытывала с ней трудности с раннего детства... А с другой стороны что она могла сделать с проворным ребенком, способным двигаться без малейшего шума. Раньше меня забавляли слова Умэ-сан: «Простите, молодая леди, но сегодня я устала» — но сейчас я понял, что тут далеко не до смеха.

Для меня Сакурако-сан гений, я уважаю ее странную личность больше, чем кого-либо в нашем мире. В ее голове время плыло по другому течению, а глаза были способны разглядеть нечто невидимое. Люди зовут таких как она гениями или сумасшедшими, но на мой взгляд граница между этими понятиями размыта. Когда Сакурако-сан втягивает меня, обыкновенного человека, в очередное происшествие, я чувствую усталость, боль, разочарование, ненависть...

но как наркотик, я не могу обойтись без ее общества.

Вот слышались новые звуки сирен, и перед домом остановилась скорая. Врачи не спешат как можно скорее бежать к телу и начать реанимацию. Как-то раз Сакурако-сан говорила, что труп нельзя перемещать с места, пока врач не установит причину смерти.

Из машины скорой помощи, которая приехала по сигналу полицейских, вышло несколько человек с носилками. О чем-то переговорив с полицейскими, они начали подниматься к квартирам. Я думал у них займет много времени, но уже через несколько минут они вынесли тело Киёми-сан, укрытое простыней и понесли к машине. Стараясь не отставать, рядом бежала Ёсими-сан и плакала. Потом в сопровождение полицейских вышел Хасигути-сан. Когда тело Киёми-сан погрузили в машину, скорая помощь тут же умчалась без воя сирен. Хотя, это очевидно, спешить то больше не за чем.

Как только машина скорой помощи исчезла вдалеке, Ёсими-сан в сопровождение моей матери вернулась в квартиру, но Хасигути-сан не сдвинулся с места. Абсолютно неподвижно он смотрел вдаль туда, где исчезла карета скорой помощи с его невестой. Шел снег, но кажется ему было все равно.

Насколько тяжело потерять любимую невесту? На одинокую фигуру в глубокой печали, которую я лишь мог представить, было так тяжело смотреть, что я вернул свой взгляд внутрь кофейни. Видимо все это время хозяин наблюдал за нами. Когда я посмотрел на него, он сразу же спрятал лицо за газетой.

— ...Она была прекрасной особой.

— Да?

— Я про погибшую.

Сакурако-сан, все это время попивающая мой горячий шоколад, вопросительно взглянула на меня.

— Летом я частенько подрабатываю газонокосильщиком на полставки. Я кошу траву во дворе домов под мамином управлением и за это получаю деньги на карманные расходы.

— Хороший физический труд.

— Но низкооплачиваемый, если вспомнить мою почасовую оплату. Впрочем, неважно, так я хоть могу заработать немного денег на карманные расходы. Соседний участок пустует и семена сорных растений проникают во двор этого дома. Одуванчики прорастают через трещины на асфальте парковки, через булыжные мостовые и даже у порога дома. Я приступаю к своей работе сразу же, как начинает теплеть, — произнес я и показал на заснеженный

участок по соседству с многоквартирным домом. Участок принадлежал строительной компании и сейчас там стоял грязный гидравлический экскаватор.

— Иногда я виделся с Киёми-сан... Когда я косил сорняки летом, она, переживая о возможном тепловом ударе, предлагала мне прохладительный напиток.

Я до сих пор помню, как Киёми-сан подходила ко мне в шляпке и, прищурив глаза от ослепительных лучей солнца, говорила: «Привет, сегодня так жарко».

В отличие от своей сестры Ёсими-сан, ее внешний вид был опрятным и чистым... Мои слова могут прозвучать грубо, но на фоне сестры она выглядела достаточно скромно.

Волосы, собранные в пучок, а на лице легкий макияж. Простой костюм. Окрашенные в телесный цвет ногти на изящных пальцах.

«Я не могу похвастаться длинными пальцами, поэтому крашу ногти в телесный цвет. Так мои пальцы хоть немного кажутся длиннее, да?»

Вспомнив смех Киёми-сан, мне стало неловко, когда я взглянул на руки Сакурако-сан. У Сакурако-сан такие длинные пальцы. Ее красиво отполированные ногти были естественного оттенка цветущей сакуры.

— Киёми-сан не заботило, что о ней подумают окружающие. Несмотря на свой скромный вид, она выглядела такой естественной и прекрасной...

— Вот, значит, как. Понятно.

— Что тебе понятно?

— Эта женщина сыграла определённую роль в твоих мастурбирующих фантазиях.

— Кха...! Сакурако-сан!

— Не переживай, твои слова служат отличным доказательством. Я натыкалась на статистику, в которой говорилось, что 97 % старшеклассников мастурбируют. Не знаю, насколько точны цифры, но для таких как ты, парнишка, испытывать влечение к женщинам и желать эякулировать в их вагины³, абсолютно нормально. Это здоровый животный инстинкт.

Хоть слово, слетевшее с губ Сакурако-сан, было мне не знакомо, я густо покраснел. Не нужно быть гением, чтобы догадаться, что незнакомое слово обозначало по-английски женские гениталии.

Сакурако-сан спокойно разговаривает на подобные темы. Некоторые части тела человека, чье упоминание табу в повседневных разговорах, для нее лишь обыкновенные органы. Она лишена даже капельки стыда. Но это не значит, что и я тоже.

Я не желал слышать в свой адрес обвинения об осквернении образа Киёми-сан.

— Пожалуйста, замолчи!

Но Сакурако-сан, как и обычно, проигнорировала мои слова.

— Недавно я читала статью в газете, что умеренная эякуляция предотвращает рак простаты. Эякуляция по пять раз в неделю снижает риск заболевания простаты на треть. Кто-то считает, что мастурбация вредна для организма, но пока вы не стали ею зависимой, как описывал Ницше, все в порядке. Поэтому не стесняйся мастурбировать.

— Не стесняться...

От подобных разговоров у меня разболелась голова.

— Пожалуйста, хватит... я имел ввиду не это. Я правда испытывал симпатию, но я и не думал делать что-то подобное... Прояви же хоть какое-то уважение к человеку, который ушел в мир иной! Прошу!

— Живой или мертвой — не важно. Человек всегда остается человеком. Почему я должна оказывать уважение к незнакомому человеку? — категорически заявила Сакурако-сан.

Ее "довод" казался логичным, но разве люди не должны уважать друг друга всегда? Даже в заповеди говорится возлюби ближнего твоего, как самого себя.

— Так или иначе! Да, она мне нравилась! Но я любил ее как человека, а никак женщину! Я уважал ее! Поэтому, пожалуйста, оставь свое странное мнение при себе! — вскочил я на ноги и повысил голос.

Лицо Сакурако-сан приняло удивленное выражение, и она прижала палец ко рту.

— Успокойся... я не хотела унижать тебя.

До этого я не заметил, но слезы во всю струились по моим щекам. Неужели Сакурако-сан лишена простого и обыкновенного чувства печали, когда из жизни уходит знакомый человек? Видимо и сама Сакурако-сан поняла, что сделала мне больно. С немного извиняющим выражением на лице она тихо пробормотала: «Мне очень жаль».

— Я до сих пор не могу поверить... что Киёми-сан умерла.

Когда я рухнул обратно в кресло, специи на столе подпрыгнули, будто поддерживали мои смятенные чувства.

— Смирись. Мы обнаружили ее мертвое тело в квартире.

— Но что произошло... квартира правда была полностью заперта изнутри?

— Да. Дверь ты видел. Окна во всех комнатах тоже были заперты.

— А тот беспорядок... полностью разгромленная комната...

— Может та бедная женщина не любила убираться?

— Нет, однажды я побывал у нее в квартире и внутри было все прекрасно. Она напоила меня травяным чаем. Чистая и опрятная квартира.

Как и эта кофейня, квартира Киёми-сан была выполнена в естественных белых, коричневых и зеленых тонах. Киёми-сан предпочитала вместо кондиционера открывать окна, поэтому, когда я пришел к ней, в квартире пахло немного скошенной травой. Кружевные белоснежный занавески красиво гармонировали со шторами ретро узора.

В тот раз она достала стеклянный заварочный чайник из холодильника. Холодный чай из мяты она начала наливать в стакан с витаминным узором в виде точек. «Думаю, чай из мяты должен хорошо освежать. Я сделала его сама», — произнесла Киёми-сан и налила полный стакан. В этом году урожай мяты был большим, поэтому чай из мяты не удивил меня. Она сказала, что заварила его впервые, но вкус был гораздо лучше, чем я ожидал.

От работ на солнцепёке мое тело разгорячилось, поэтому, хоть вкус и не был восхитительным, я с удовольствием утолил жажду. Но даже в такой ситуации я чувствовал себя счастливым. Все это время пока я пил, Киёми-сан улыбалась мне нежной и прекрасной улыбкой, которая могла посоперничать с сиянием солнца. Наверное, тогда я сказал ей что-то наподобие: «Очень вкусно» или «Чай из мяты полезен для здоровья» — и тогда Киёми-сан улыбнулась еще более ослепительно и налила мне новую порцию. Эту скромную сцену летнего дня я бережно хранил в своей памяти.

Я был не очень близок с Киёми-сан. Наши пути в жизни не часто пересекались. Вот почему я спокойно принял новость о ее будущей свадьбе и переезде.

Не буду лгать, что не почувствовал легкую ревность где-то в глубине сердца, когда узнал о ее будущем замужестве. Но больше всего мне хотелось, чтобы она всегда была счастливой. Такой человек как она обязана быть счастливой. Не вижу ни одной причины, из-за которой муж не

должен заботиться о таком приятном человеке с нежной улыбкой, которая красит ногти в телесный цвет и угощает людей мятным домашним чаем. Я был убежден, что она станет хорошей женой и любящей матерью, вот почему вполне честно и открыто поздравил ее.

Ее жизнь не должна была закончиться на такой ноте.

— Киёми-сан должна была прожить долгую, прекрасную жизнь.

Ее ждало счастливое будущее. Я мог заявить это с абсолютной уверенностью.

— Хаос в комнате... разве это не следы драки? Может в этом замешан тот извращенец, о котором поведал хозяин?

— А? Значит ты и правда думаешь, что в закрытой комнате произошло убийство? — спросила Сакурако-сан, приподняв брови в удивлении. Я не мог объяснить, почему это так ее удивило.

— ...А ты так не считаешь, Сакурако-сан?

Что она имеет ввиду? Неужели она хочет сказать, что Киёми-сан умерла от болезни? Пока я, затаив дыхание, озадаченно смотрел на Сакурако-сан, та громко прыснула.

— Вот что я тебе скажу. Если ты поверил в эту "уловку" — ты настоящий глупец.

— Ах...

Я не считал себя умным. В обществе с Сакурако-сан я еще сильнее в этом убеждался. Но сейчас я правда не понимал, что такого глупого в моих словах.

— Что ты имеешь ввиду, Сакурако-сан?

— Сначала я хочу кое о чем спросить тебя, парнишка. Как ты считаешь, о чем думают убийцы, когда убивают людей?

— Эмм... может о том, как не попасться?

На мои слова Сакурако-сан трижды щелкнула языком, что означало "нет".

— Они думают о том, чтобы убить человека наверняка, — заявила Сакурако-сан, глубоко откинувшись на спинку кресла и скрестив ноги, как будто она была дома. — Если человек кого-то захотел убить, он это сделает любыми средствами. Он будет одержим идеей стереть чью-то жизнь с лица земли. А о том, чтобы не попасться, он подумает только в самый последний

момент.

Сакурако-сан на секунду прервалась, взяв в руки ложки.

— Понимаешь? Если бы ты захотел, ты мог убить кого-то вот этой ложкой. Убийство — это не действие, а "чувство" или "импульс". Большинство людей идут на убийства, потому что хотят смерти своей цели. Но как показывает практика причина большинства убийств кроется в какой-то глупости. Люди даже не задумываются, что существуют другие способы уничтожения людей и вполне можно обойтись без убийств.

С этими словами Сакурако-сан направила ложку на меня. Круглая, серебряная ложечка отражала свет мигалок полицейских машин и зловеще поблескивала. Непроизвольно я сглотнул слюну.

— Движимые эмоциями, "проклятье" заставляет их убивать без раздумий. Именно таких людей ловят и сажают в тюрьмы. Конечно, находятся те, кто тщательно планируют свое дело. Они не полагаются на удачу и используют более надёжные методы. Но проклятье "хочу убивать" самый простой, примитивный и грубый метод, не требующий подготовки. Ты понимаешь куда я клоню? Без одержимой идеи убивать бессмысленно. Тайное всегда становится явным и когда-нибудь убийца всплывет.

— ...Так что, по-твоему, случилось в той квартире, Сакурако-сан?

— Ты хочешь, чтобы я снова сыграла в детектива?

— Чуть ранее ты сказала, что я глупый. Тогда докажи мне, продемонстрируй свой ум снова.

— Хмм, в этом что-то есть, — произнесла Сакурако-сан и резко встала с кресла. — Пойдем.

— А?

Пока я растерянно последовал за ее движением и тоже вскочил с кресла, Сакурако-сан кивнула мне в сторону окна. Я выглянул и увидел, что все полицейские покинули квартиру и сиделись в машину.

Пока я поспешно начал одевать пальто, Сакурако-сан спокойно направилась в сторону кассы.

— С вас 1160 иен, — так же неторопливо убирая газету, произнес седовласый хозяин.

— У вас очень вкусный горячий шоколад, — с улыбкой произнесла Сакурако-сан.

— Дома я смешиваю французский и бельгийский шоколад кувертю. Чтобы добиться такого вкуса, я особо внимательно отношусь к содержанию какао в шоколаде. Кроме того, запах молока и шоколада усиливается при нагревании на водяной бане, а не на открытом огне... — начал старик, раскрасневшись от похвалы Сакурако-сан.

Возможно, ему хотелось поговорить или его просто так сильно обрадовала похвала, но седовласый хозяин выплевывал слова пулеметной очередью. Естественно, Сакурако-сан не выдержала и оборвала его поток слов.

— Да-да, горячий шоколад восхитительный, — бросила она и направилась к выходу.

В след за ней к выходу направился и я, не забыв извиняюще поклониться обиженному хозяину.

— Пожалуйста! Заходите еще!

Тем не менее перед тем, как дверь за нами захлопнулась, хозяин попрощался, и я ответил ему кивком. Нет, старик, извини. Каким бы вкусным не был горячий шоколад, заходить в твоём заведение слишком хлопотно.

Примечания

1. Семья, которая добровольно, без материального вознаграждения берет на себя роль новых «мам, пап, братьев, сестер» для иностранного школьника

2. Речь идет про слово 叩 (ковай)

3. В оригинале автор употребил слово cunt (грубое название женских гениталий)

Часть 4

Мы вышли на улицу и увидели, что Ёсими-сан с Хасигути-саном покинули квартиру и куда-то брели вместе. Я не слышал её разговор, но кажется в беспорядочных чувствах Ёсими-сан с кем-то беседовала по телефону. В нескольких шагах впереди нее шел Хасигути-сан и молча смотрел в землю.

— Пойдем, — произнесла Сакурако-сан и первой пошла вперед.

Мы шли по одной стороне улицы, а они параллельно нам по другой. Кажется, Ёсими-сан нас не заметила. Она закончила свой разговор по телефону и подбежала к Хасигути-сану, но тот, даже не подняв голову, полностью проигнорировал ее.

— ...!

Вот Ёсими-сан немного обогнала Хасигути-сана и начала на него кричать.

Я не услышал ее слов, потому что именно в этот момент по проезжей части проехала машина. Если судить по ее напряженному выражению лица, она обвиняла его в чем-то серьезном. Но Хасигути-сан в том же поникнутом состоянии не проронил ни слова. Ёсими-сан только что потеряла старшую сестру. Эта сцена заставила меня почувствовать себя неприятно. Хасигути-сану следовало бы отнестись к ее чувствам более мягче.

Но в тот же момент мне стало стыдно за свои мысли, когда я вспомнил тот его взгляд, когда он одиноко провожал скорую помощь, мчащуюся вдаль. Хасигути-сан потерял любимую невесту. Его печаль ненамного легче боли Ёсими-сан.

Этот инцидент забрал не только жизнь Киёми-сан. Вместе с ее смертью эти два человека потеряли свой смысл жизни. Слишком невыносимое зрелище для окружающих, включая и меня.

— Сакурако-сан... — обратился я к своей спутнице, но тут же осёкся. Она вытянула руку вперед, будто собиралась остановить такси. — Сакурако-сан?

— Нам нужно сделать кое-что. Поехали.

— Да? И что мы должны сделать... Ах, неужели?

Когда догадка проскользнула в моей голове, такси остановилось перед нами. Пока я торопливо садился в машину, Сакурако-сан уже что-то показала таксисту и произнесла: «Сюда, пожалуйста». После ее слова такси тронулось с места и Сакурако-сан глубоко вздохнула.

— Что мы должны сделать?

— Пока не бери это в голову. Прежде, давай немного разберемся во всем произошедшем.

— А?

— Пожалуйста, расскажи мне абсолютно все, что знаешь о нашей жертве.

— Ох...

— Хочешь, чтобы я задавала тебе наводящие вопросы, как детектив?

— Ох... дело в том, что я не так много знаю о ней.

Я уже упоминал, что мы с Киёми-сан не были настолько близко знакомы.

— Возраст и род занятий?

— Не думаю, что мы открыто разговаривали на эти темы...

— Что-нибудь. Может какая-то информация вскользь пролетела в вашем общении?

Мне хотелось застонать, но я послушно начал проматывать в голове давнишний разговор с Киёми-сан.

Перед тем как попасть в ее квартиру, я обменялся с ней приветствием. Потом у нас прошла совместная прополка сорняков, а после небольшое чаепитие. Все. Хотя... Однажды одним летним вечером на фестивале фейерверков Кагура¹ я увидел, как она покупала варенную кукурузу в одном из продовольственных ларьков. Вместо привычной розовой или светло-голубой юкаты, она надела черную, что меня очень удивило.

— ...Я не знаю точный ее возраст, но думаю, что она постарше тебя, Сакурако-сан. В конце прошлого года мы случайно встретились с ней и наш разговор как-то перешел на тему воздержания от замужества. Тогда она рассмеялась и сказала, что успешно справляется со своей задачей уже почти тридцать лет. Думаю, ее возраст в промежутке между 27 и 29 лет.

Я ни слова не упомянул о юкате. Сакурако-сан не за чем о ней знать, поэтому я просто поделился с ней своим предположением о возрасте Киёми-сан.

— Значит она араса².

— По профессии Киёми-сан фармацевт. Я слышал от нее, что она работает в аптеке напротив автобусной остановки. Она хвасталась мне, что во время обеденного перерыва может ездить домой.

Когда я проводил своим взглядом автобус, сбоку которого красовалась реклама зоопарка Асахияма, Сакурако-сан кивнула.

— Фармацевт, значит... Понятно. Что-то еще?

— Что-то еще... Я был не настолько близок с ней.

— Расскажи мне обо всем, что сможешь вспомнить. Сгодится любая мелочь.

— Любая мелочь... Ах, точно. Она хотела стать флористом.

— Флористом?

— Да. Она хотела стать флористом. Но испугалось того, что от частого контакта с водой её руки огрубеют. Вот почему она любила выращивать растения в плантаторах³ у себя в квартире.

— Плантаторы. Ах да, у нее дома было много горшков с цветами.

— Частью из них она делилась с моей матерью. Тогда мне мать и сказала, что Киёми-сан выращивает растения дома, и что они ей очень нравятся.

Только сейчас до меня дошла мысль, что мята, из которой она заварила не особо вкусный чай, был выращен ею. Кто теперь будет заботиться о ее растениях, после того как её не стало? Надеюсь, найдется человек, который возьмет их себе и не даст им завянуть. Если такой человек не найдется, мне бы хотелось забрать их к себе. Раньше я никогда не задумывался о выращивание растений, но думаю с помощью бабушки, матери и советов в интернете, я научусь ухаживать за ними. Мне хотелось позаботиться о тех жизнях, которые остались после нее.

По правде говоря, я хотел бы еще раз выпить тот чай из мяты, который был не особо то и вкусным. Выпить мятный чай, приготовленный руками Киёми-сан.

— ...

Я сделал вид, что люблюсь пейзажем за окном, а сам тем временем украдкой смахнул слезу. Снаружи на улице совсем потемнело. Когда я достал свой смартфон, то увидел, что время перевалило за четыре часа. Так же в уведомлениях висело множество сообщений от матери, но я пока решил не отвечать на них.

— Ее жених был офтальмологом.

— Видимо да...

— А ее младшая сестра работала с ним в одной больнице.

— Да...? Ах, точно. Она же сама сказала нам об этом.

— И эти двое находились в любовных отношениях. Несмотря на помолвку, кажется, жених не собирался заканчивать свою двойную игру.

— Ч-что...?

Слова Сакурако-сан резко отрезвили меня. Мои беспорядочные мысли улеглись, а слезы высохли в глазах.

— Эй!? С чего ты это взяла!?

— Те двое обнимались в комнате.

— Ёсими-сан в расстроенных чувствах вцепилась в него, это не было объятиями! Ты делаешь слишком поспешные выводы!

Слова Сакурако-сан меня разозлили. Я попытался одернуть ее, но она лишь рассмеялась.

— Обычно в расстроенных чувствах не спешат лезть обниматься с боссом, который к тому же еще и жених твоей сестры. Мы сейчас в Японии, в этой стране не устоялась привычка обниматься при встрече, как в западных странах. Тем более тот мужчина без колебаний положил свою руку ей на спину.

— Эмм...

— Наши с тобой отношения можно назвать близкими. Если я тебя внезапно обниму, как ты считаешь, сможешь ли ты без стеснения приобнять меня в ответ?

На вопрос Сакурако-сан я затруднялся ответить.

Даже если меня обнимет кто-то из знакомых, меня все равно смутит внезапный контакт с противоположным полом. С Сакурако-сан тем более. Меня смутит даже ее прикосновение к щеке.

— Но все люди разные. То, что для нас дико, для них нормально. Я не думаю, что между ними любовные отношения...

— Нет. Я просто уверена, что между ними существует физическая связь.

— Может они просто близкие друзья... Взрослый мужчина во время помолвки не должен заводить любовные отношения на стороне.

— Мужчина и женщина. Независимо от того, насколько вы близки, нужно быть осторожными. Вероятность совпадения ДНК у сестер — одна четвертая. От матери мы получаем 50% ДНК, следовательно, оставшиеся 50% наследуем от отца. Из этого можно сделать вывод, что шанс

совпадения материнского ДНК между сестрами составляет 25%. Я поверхностно взглянула на них, и похоже у них разное телосложение тела. Другими словами, даже если у них одинаковое ДНК, их тела отличаются и вагины, следовательно, тоже.

— Сакурако-сан...

— Я не сомневаюсь, что тело ее младшей сестры мужчины находят более привлекательным. Кроме того, она работает медсестрой. Но при этом во всю пользуется духами. Может быть в офтальмологической больнице это в порядке вещей, но ей не следует душиться, хоть это и не запрещено.

— Что плохого в духах?

Разве молодые женщины не пользуются ими постоянно?

— Хорошо, зайдем с другой стороны. Ты когда-нибудь встречал медсестру, которая пахла духами?

— Эмм...

И снова вопрос Сакурако-сан поставил меня в тупик. Если речь идет о больнице, то в моей голове сразу всплывают запахи спиртовых растворов, характерные для больниц, и какие-нибудь запахи дезинфицирующих средств. Когда я вспомнил сладковатый запах Ёсими-сан, то вместо ответа тяжело вздохнул.

— Кроме того мне показалось странным, что она так хорошо осведомлена о переписке своей сестры с женихом. Жертва рассказала ей о своих любовных переписках, потому что они сестры? Не думаю. Уверена, она находилась рядом с ее женихом, когда тот набирал любовные письма. После работы они, уединяясь вдвоем, шутили и общались с жертвой вместе.

— Не может быть...

В моей голове предстали образы Хасигути-сана и Ёсими-сан, глубоко скорбевшие по смерти Киёми-сан.

— Этого просто не может быть...

Мне не хотелось даже думать о том, что те двое были в таких отношениях. Но Сакурако-сан своими словами посеяла во мне семя сомнений.

— И что самое смешное — это время смерти.

— Время смерти?

— По моим предположениям после смерти жертвы прошло двадцать четыре часа. Ты ничего не находишь в этом странного?

— А что тут может показаться странного?

— Ее сестра упомянула, что еще позавчера они весело болтали.

— Тебе кажется странным, что еще два дня назад Киёми-сан была в полном порядке, а на следующий день умерла?

Если бы смерть произошла через час после общения, думаю, это и правда выглядело странным. Но с их общения прошли целые сутки. За такое время могло случиться что угодно.

— Значит ты считаешь вполне нормальным ворваться в квартиру, потому что не можешь связаться с сестрой в течение нескольких дней, и даже позволишь домовладелице взломать дверь?

— Эмм...?

— Напомню, жертва не выходила на связь всего лишь два дня. Не месяц, и даже не неделю.

— Ох... я понял.

Верно, прошло всего лишь два дня. Когда я подумал об этом, то сразу вспомнил, что последний раз писал старшему брату две недели назад. Может, потому что мы парни, и у нас нет такого тесного общения, но для близких людей вполне нормально не общаться пару дней. С момента последнего общения прошло всего сорок восемь часов. Даже если вы супер близкие сестры не думаю, что делать такие опрометчивые движения и вскрывать дверь умно.

— Когда ты так говоришь, это действительно выглядит странно... но...

— Что «но»?

— Ну это... Может до этого что-то произошло. И теперь Ёсими-сам почувствовала, что с ее сестрой случилось что-то нехорошее, — пробормотал я.

На мои слова Сакурако-сан медленно кивнула.

— Значит ты предполагаешь, что могла сложиться ситуация, когда обрыв связи даже на пару

дней мог заставить младшую сестру волноваться и предсказывать худшее?

— Может ты ошиблась с установлением времени смерти?

— Стопроцентных прогнозов я дать не могу, но, если учитывать температуру в комнате и солнечный свет, в теле не начались процессы разложения. Я не специалист, но думаю, что после смерти прошло от 12 до 24 часов, учитывая помутнение роговицы и трупное окоченение. Да это и не важно. Если младшая сестра не врет, пару дней назад жертва была жива.

Сакурако-сан восхищается костями. Она постоянно имеет дела с телами, которые еще не приняли ее любимую скелетообразную форму. Но даже она не так часто имела дела с человеческими останками. Как я говорил ранее, она уважала своего дядю и постоянно ходила с ним в лабораторию. Ее знания о человеческом строение гораздо глубже моих, но она не профессионал. Однако здесь это и не важно. Я собственными глазами видел труп Киёми-сан, и он выглядел достаточно свежим.

— Возможно жертва узнала о любовных связях своего жениха. Может быть даже она прислала письмо своей младшей сестре, в котором недвусмысленно намекала на самоубийство.

— Самоубийство!? Разве тогда это не означает, что Ёсими-сан была обязана что-то подозревать? И Хасигути-сан тоже?

— Если бы ты узнал об измене, ты покончил с собой? — спросила Сакурако-сан, прищутив глаза.

— Не думаю, что поступил бы так. Но Сакурако-сан, неужели ты позабыла о разгромленной гостиной!

— Несомненно в мире много вещей, которые сложно понять.

Как бы мне не хотелось сомневаться в Ёсими-сан и Хасигути-сана, но гостиная в квартире Киёми-сан была абсолютно разгромлена.

— Что ж, может ты тогда поведаешь мне о своих рассуждениях?

— А?

— Расскажи мне свой сценарий, где жертва погибла от руки жениха и собственной сестры.

— Сценарий...

Когда Сакурако-сан огорошила меня внезапной просьбой, я растерялся. Но также как у моего тела есть кости, у любой вещи должно быть основание. Без сомнений в смерти Киёми-сан есть что-то загадочное. Но прежде, чем начать говорить, я решил привести свои чувства и мысли в порядок.

— ...Первое что приходит в голову — это гостиная. Комната полностью разгромлена. В прошлом я побывал в квартире Киёми-сан, там было чисто и опрятно. Другими словами, я предполагаю, что это следы драки. Сначала я подумал, что дело рук воров. Но ты сама проверяла ее личные вещи, деньги и документы не вытащили из кошелька. Значит версию с ворами можно откинуть.

Когда я сделал паузу, Сакурако-сан громко присвистнула. То ли она высмеяла меня, то ли восхитилась мною. Из-за непонимания я ощутил некое беспокойство.

— Я думаю, что вовремя драки Киёми-сан оставалась в сознание, поэтому версию с наркотиками и снотворным тоже можно отбросить. На ее теле не было следов крови, может причиной смерти послужил сильный удар или удушение?

Верно, Киёми-сан полулежала на кровати, а ее одежда была в целости. Ее грудь немного оголилась, но зато мы увидели, что следы крови на теле отсутствовали. Среди всех запахов в спальне запаха крови тоже не было. Я промотал в голове все воспоминания и припомнил, что в отличие от разгромленной гостиной, в прихожей царил абсолютный порядок.

— Прихожая была опрятной. Никакой разбросанной обуви и никаких грязных следов. Следовательно, этот человек вошел без сопротивления и Киёми-сан сама пригласила его домой. К таким людям можно отнести Ёсими-сан, Хасигути-сана или какого-то третьего человека, про которого мы ничего не знаем. Думаю, версию с извращенцем можно исключить. Такие люди... не особо умны. У Киёми-сан не могло быть таких знакомых.

— Почему исключить?

— Подобным людям не мог прийти в голову трюк с запертой изнутри квартирой.

Неожиданно над моими словами Сакурако-сан громко рассмеялась.

— Эй... Почему ты смеешься!

Но даже мой вопрос не прервал смех Сакурако-сан. Она громко хохотала, будто у нее случилась истерика. Когда водитель косо глянул на нас через зеркало заднего вида, мне стало неудобно.

— Пожалуйста, прекрати так громко смеяться. Что смешного в моих словах?

— А сам ты не догадываешься? — сквозь смех спросила Сакурако-сан.

— Нет... пожалуйста, объясни...

Я уже собирался начать злиться, когда Сакурако-сан легонько потрепала меня по волосам.

— Сам подумай. Что заставило убийцу оставить квартиру запертой изнутри?

— Эмм?

— Я спрашиваю, почему убийца решил остановиться на варианте с квартирой, запертой изнутри?

— Ну... Может чтобы его не арестовали?

— Ты что, совсем дурак? Чтобы все выглядело как несчастный случай или самоубийство? Чтобы скрыть факт вмешательства третьей стороны? Какой смысл в запертой изнутри квартиры, если вся ситуация выглядит так, как будто произошло убийство?

— Ну... чтобы сорвать расследование...

— Нет, ты точно дурак. Нет никакого смысла в запертой изнутри квартире, если все выглядит так, будто произошло убийство. Открыта квартира, закрыта, неважно. Если это похоже на убийство, полиция в любом случае проведет расследование... Хотя я признаю, что среди полицейских могут найтись ленивые люди, которые и правда поверят в версию с самоубийством, чтобы не вести расследование.

Сакурако-сан преувеличенно вздохнула. В ее вздохе сквозило разочарованием, что я отчетливо почувствовал, как заныло у меня в груди.

— Зайдем с другой стороны, как закрыть квартиру изнутри? Ладно ключ, но как ты объяснишь цепочку? Убийца закрыл дверь на цепочку, обратился призраком и прошел сквозь дверь?

— Не знаю, но должен быть какой-то способ... — промямлил я.

Внутри себя я уже понял, что все мои "рассуждения" слишком неразумны.

— Хорошо, давай тогда на время забудем про цепочку. Объясни мне другое, как запертая изнутри квартира может помешать аресту преступника? Если неизвестен способ побега преступника, его нельзя поймать? Не думаю. Судмедэкспертиза, обыск, расспрашивание соседей о подозрительных незнакомцах... и еще сотня доказательств может быть добыта в

процессе расследования. Полное собрание улик позволит арестовать убийцу, даже если он оставил квартиру запертой изнутри.

— Но ведь! У погибшей было такое страдальческое выражение на лице!

Ладно. Слова Сакурако-сан о том, что я дурак, не лишены основания. Но я не мог понять выражение на лице умершей Киёми-сан. Она выглядела так, будто перед смертью ей было очень больно. При жизни я любовался прекрасным выражением на ее лице, но после смерти на ней явно застыла гримаса страданий.

— Вот именно. При убийстве она бы не испытывала такую сильную боль.

— Да... но помимо агонии, я увидел в ее глазах удивление и гнев! При самоубийстве... такие эмоции не застыли бы в ее глазах! Перед тем как Киёми-сан умерла, она не испытывала никакого отчаяния!

Я продолжал в это верить. Страдальческое выражение, застывшее на лице Киёми-сан, не давало мне подумать о том, что она могла сама покончить с собой. При жизни она была доброй и казалась немного хрупкой, но я чувствовал, что внутри нее твердый стержень, похожий на толстую кость. Она существовала в собственном мире. В нем она была неприкосновенной. Я сомневаюсь, что измена со стороны жениха, могла заставить ее наложить на себя руки. Это просто невозможно.

— Что бы тебе не казалось, Сакурако-сан... Киёми-сан не могла покончить с собой, потому что она была сильной женщиной... Почему ты так вцепилась в эту версию и не хочешь признать возможность других? Например, жених и Ёсими-сан могли сговориться убить Киёми-сан. Она об этом узнала и из последних сил заперла на цепочку дверь, чтобы защитить близкого человека, который после покинул место происхождения. Киёми-сан именно такой человек!

Я еще раз категорически заявил о невозможности сценария Сакурако-сан.

— А после вернулась в спальню, пострадала и умерла?

— Думаю, так оно и было. Киёми-сан не тот человек, который мог думать о самоубийстве.

— ...Отчаяние — не единственная причина, из-за которой люди выбирают смерть, — произнесла Сакурако-сан после затяжного молчания.

— Тогда поздравляю!! Сакурако-сан, ты разгадала тайну смерти!

— Это работа полиции. Если судмедэксперты и следователи отнесутся без халатности к своей работе, тайное станет явным. Мне не обязательно разгадывать обстоятельства смертей людей.

— Тогда прекратить обманывать меня, будто точно знаешь, что произошло в той квартире! — прокричал я, бросив злобный взгляд на Сакурако-сан.

Какое-то время моя спутница молча смотрела на меня, но потом коротко вздохнула, будто сдалась, и открыла рот.

— Вскрытие все покажет. Судмедэксперты найдут все посмертные раны и выяснят, защищалась жертва или нет. Если кто-то смог так разнести гостиную, его сил должно вполне хватить для убийства человека. Тогда на теле жертвы обязаны остаться волосы преступника или кровь под ногтями, когда она царапала своего убийцу перед смертью. Как показывает практика, почти всегда на теле жертвы остаются ДНК убийцы.

— ДНК преступника...

— Кроме того наш мир вступил в эру, когда насильники пользуются контрацептивами. Но когда расчесывают лобковые волосы изнасилованной жертвы, не редко обнаруживаются лобковые волосы преступника. Если тебе в будущем захочется кого-то изнасиловать, рекомендую выбрить лобковые волосы.

— Я не собираюсь делать ничего такого!

— Знаю. Тебе не хватит свирепости пойти на такое, — рассмеялась Сакурако-сан.

От ее смеха мне стало крайне неудобно. Почему-то насмешки надо мной злили меня гораздо меньше, чем ее бессердечные слова. У Сакурако-сан есть плохая привычка говорить вещи собеседнику, которые ему могут не понравиться. Так она исследует его реакцию, заглядывает внутрь сознания и берет его чувства под свой контроль.

— Пожалуйста, давай вернемся к нашей теме.

Я постарался произнес эти слова максимально спокойным голосом, чтобы не попасться на удочку Сакурако-сан. В ответ она недовольно поджала губы. Похоже она рассердилась, что не смогла закончить начатое.

— Хорошо... — вздохнула Сакурако-сан и нахмурилась. — ... Я поверхностно осмотрела ее тело, но не смогла найти ни одного кровоподтёка и никаких видимых следов травмы.

— Может это особый способ убийства, не оставляющий после себя следов?

На мои слова Сакурако-сан медленно покачала головой.

— Чтобы убить отчаянно сопротивляющегося человека, вы должны либо задушить его, либо

нанести колотую рану, либо со всей силы ударить. Но мне не удалось найти на ее теле никаких следов травм и удушения. В случае смерти от асфиксии происходит кровоизлияние в глазное яблоко, но у жертвы подобных симптомов не было.

— Может ли быть такое, что она умерла от болезни...?

— Хмм, — развела руками Сакурако-сан, будто признала собственное поражение.

— Но тогда возникает вопрос, почему комната разгромлена...?

— Возможно дело в истерии, я как раз и хочу это проверить.

— Проверить?

Только сейчас я задумался, куда едет такси.

— Эй, а куда мы едем?

Когда я спросил об этом у Сакурако-сан, она вытянула ко мне руку, между пальцами которой было зажато что-то наподобие корешка билета.

— Ботанический сад?

Между своими пальцами Сакурако-сан держала корешок билета в городской ботанический сад.

Примечания

1. Древние ритуальные синтоистские танцы, сопровождающиеся игрой на барабанах и флейте
2. Дословно и переводится «около тридцати». С недавних пор этот термин кроме женщин применяется и к мужчинам.
3. Что-то большой кадки для цветов.

Часть 5

Ботанический сад Асахикава сравнительно новый объект в нашем город. Являясь частью комплекса зоопарка Асахияма, в нем выращивались преимущественно те растения, которые естественным путем росли в Асахикава.

Хоть число туристов резко возросло из-за бума в зоопарке Асахияма, Асахикава оставался прежним. Сейчас, в будний день на станции было тихо. Только в выходные огромная парковка перед супермаркетом, который соседничал с ботаническим садом, заполнялась жителями города. Как я уже говорил, многие люди пытались разработать новые туристические маршруты, но все они оказались малоэффективными. Думаю, отсутствие результата дело рук жителей Асахикава, которые не выносят перемен. Вот почему новый и красивый ботанический сад оказался не у дел.

— Почему мы здесь?

— Билет на вчерашний поход в ботанический сад лежал у нее в бумажнике.

— А!? — с удивлением я взглянул на Сакурако-сан. — Так ведь нельзя! Ты забрала улику с места происшествия! Это может помешать расследованию!

— Мне стало любопытно. Поэтому не вижу ничего плохого в своем поступке.

Как и всегда самовольный поступок Сакурако-сан взволновал меня. Конечно, это всего лишь клочок бумаги. Но он мог бы оказаться серьезной уликой к аресту преступника.

— Ты же сам говорил, что хочешь докопаться до истины.

— Да, но не таким образом!

Мои слова не были сигналом начать действовать неразумно! Когда я задумался над тем, как заставить Сакурако-сан извиниться перед полицейскими и вернуть улику, наше такси остановилось у входа в ботанический сад.

— Как бы то ни было, мы должны вернуть билет обратно.

Я засунул руки поглубже в рукава куртки и, стараясь не прикасаться голыми руками, взял корочку билета у Сакурако-сан. Аккуратно завернув в салфетку, чтобы не оставить отпечатков пальцев, я положил билет в кошелек.

— Зачем так волноваться из-за мелочи, — произнесла Сакурако-сан, расплачиваясь с водителем.

Мне хотелось обвинить ее в грубости, но я промолчал. Сакурако-сан способна провести многие часы за тонкой работой по отделению костей от плоти. Почему она не может так же бережно относиться к маленькому клочку бумаги?

— Это не мелочь, Сакурако-сан!

Пока я выходил из машины и думал, что делать с трофеем в кошельке, Сакурако-сан уже направилась к билетной будке ботанического сада.

— Разве ботанический сад уже не закрывается?

Если судить по вывеске, до закрытия ботанического сада оставалось меньше часа. Женщина за кассой сразу нас предупредила: «Мы скоро закрываемся».

— Мне все равно, — произнесла Сакурако-сан и купила билеты.

— Эй, куда ты направляешься?

Какое-то время Сакурако-сан молча разглядывала брошюру, выданную с билетом, а потом резко куда-то пошла. Я начинал раздражаться, когда последовал за ней. Сакурако-сан стремительно шла вперед, совершенно не обращая внимание на окружающие ее растения.

— Сакурако-сан!

— К цветку, который уязвим к солнечному свету.

— Цветок, уязвимый к солнечному свету?

— Верно. А вот и он.

Сакурако-сан резко остановилась и показала мне на табличку у входа в отдельное помещение.

— "Растения, живущее в тени (всего мира)"?

Пока я зачитывал табличку, Сакурако-сан кивнула... и открыла дверь. В тот же момент нас обволок теплый и влажный воздух. Внутри помещения царил темнота, чтобы воспроизвести естественные условия растений. Но на табличке было упомянуто, что каждое растение намеренно помечено флуоресцентной краской. Очевидно, "цель" Сакурако-сан находилась здесь. Она решительно вошла в помещение и начала проверять растения одно за другим.

— А вот и оно, — произнесла Сакурако-сан, резко застыв на месте.

— Это?

У наших ног росла низкая трава. Растение с овальными слегка зазубренными по краям листьями имело небольшие похожие на чернику плоды. Листья чем-то напоминали гортензию, но это было незнакомое ранее мне растение.

— Скополия?

Рядом с растением стояла табличка "Скополия японская" и тут же рядом "опасно, не трогать". Однако, как и всегда, предупреждения не оказали никакого эффекта на Сакурако-сан. Она достала уже привычные мне одноразовые резиновые перчатки и потянулась к растению.

— Послушай, тут предупреждение, что растение нельзя трогать.

— Знаю, оно ядовитое.

— А?

Сакурако-сан опустилась на колени и начала аккуратно отводить в сторону листья, как будто что-то ища.

— Что ты делаешь?

— Ищу доказательства... А вот и они, — воскликнула Сакурако-сан. — Посмотри. Видишь ягоды вон там?

— ...Ну есть что-то...

В темноте ничего не видно, но понемногу мои глаза начали привыкать. Сакурако-сан расправила листья в сторону и показывала мне узловатое место стебля, предполагающее созреванию плодов.

— Но зачем они нам?

Когда я поинтересовался у Сакурако-сан, она сорвала один из перезрелых сморщенных плодов, положила себе на ладонь и показала мне.

— Ягоды этого растения похожи на чернику, но на деле они смертельно ядовиты. Пара ягодок убьет ребенок, а дюжина здорового взрослого.

— Дюжина...

От слов Сакурако-сан по моей спине пробежал холодок.

— Ты хочешь сказать Киёми-сан...?

— Возможно, — кивнула Сакурако-сан. — Белладонна.

— Белладонна!? Неужели!?

Только сейчас я понял истинную природу этого растения. Белладонна наряду с аконитом одни из самых известных ядов, часто используемые для скрытных убийств.

— Да. Хотя скополия японская и белладонна совершенно разные растения, их характерные свойства одинаковы.

Пока я слушал Сакурако-сан, у меня подкосились ноги. Я опустился на землю, обхватил колени руками и скрыл свое лицо меж ног.

— ...Почему? Почему ты уверена, что это растение причина смерти Киёми-сан?

— На ранних стадиях отравления, у человека начинается умопомешательство и галлюцинации. В бреду она может крушить все вокруг себя.

— Умопомешательство...

Значит...

— Тогда в ответе за разгромленную гостиную не драка с кем-то, а...

— Верно. Если она и дралась в гостиной с кем-то, то только с самим собой.

— Но откуда ты...

Прежде чем я успел полностью озвучить свой вопрос, Сакурако-сан тыкнула в меня пальцем. Я поднял голову, но к этому времени моя напарница сама опустилась на землю и пристально уставилась на меня. Пока я раздумывал, что это могло значить, Сакурако-сан коснулась чуть повыше своего левого глаза.

— Что?

— Глаза.

— Глаза?

— Ты не заметил ничего странного в ее глазах?

— Нет... — соврал я. Я помнил, что глаза Киёми-сан были широко распахнуты и немного затуманены, будто покрыты пленкой.

— Расширенные зрачки. Хотя роговица помутнела и было достаточно сложно разглядеть, у жертвы явно расширены зрачки. Это типично для отравления белладонной.

— ...

— Ее жених же офтальмолог?

Я кивнул и снова уставился в землю.

— В прошлом знатные дамы использовали белладонну, чтобы сделать свои глаза красивыми. Возможно, она узнала об атропине у своего жениха-офтальмолога. Или прочитала в каком-нибудь детективном рассказе.

Пока Сакурако-сан объясняла мне, из динамика за ее спиной полилась мелодия, уведомляющая о скором закрытии ботанического сада. Грустная мелодия, напоминающая прощальный вальс, только сильнее растрожила чувства в моем сердце.

— Не знаю, намеренно получилось это или случайно. Ее поступок мог быть импульсивным, когда она наткнулась на хорошо знакомое растение здесь в ботаническом саду. А может она пошла на подобное намеренно, чтобы оставить скрытое послание своему жениху. Подозреваю, ты не знаешь, но на языке цветов это растение означает "молчание".

— Молчание...

Впервые это слово отдалось печалью в моем сознание.

— Она посетила ботанический сад вчера и украдкой нарвала ягоды этого растения, чтобы употребить их дома. Смертельную дозу рассчитать сложно... но не стоит забывать, что жертва фармацевт. Она приготовила отраву и, думаю, положила в пустую капсулу, чтобы покончить с собой. Первые симптомы при отравлении белладонной наступают в промежутке между пол часом и часом.

— Другими словами...

— Она намеренно приняла смертельную дозу. И после страдала от болезненного бреда. Это можно понять по всклоченной рубашке и по страдальческому выражению на лице... Что касается рвоты, ее было немного. Подозреваю за день до случившегося она очистила желудок. Перед смертью у нее случилось небольшое недержание мочи, но она не испражнилась, значит кишечник она опорожнила тоже заранее, чтобы ее тело не предстало в негодном виде после смерти. Думаю, она давно задумывалась о самоубийстве.

Сакурако-сан хлопнула меня по плечу и встала на ноги. Я последовал за ней и тоже встал.

— Самоубийство — это то же самое убийство, и оно правда случилось в запертой изнутри квартире. Должно быть она заперла дверь на ключ и цепочку, чтобы никто не потревожил ее. Она хотела умереть. Думаю, если произвести обыск в квартире, должна найтись предсмертная записка.

— Тогда...

Значит Киёми-сан умерла не по случайному стечению обстоятельств, а целенаправленно? Я до сих пор не мог переварить эту правду.

— Ты чувствуешь себя легче от мысли, что Киёми-сан не пала от руки убийцы?

— Но ведь самоубийство... такой же печальный конец жизни...

Конечно, самоубийство менее трагично, чем убийство, но результат все же один. В отчаяние я закрыл лицо руками.

— Вот как. А если представить, что твоя невеста изменила с другим парнем, как ты поступил бы?

— Осудил и разорвал все связи с ними. Это гораздо лучше, чем покончить с собой!

Гнусный поступок совершил не я, а те двое! Когда я на повышенных тонах озвучил свой ответ, Сакурако-сан прищурено взглянула на меня.

— Человеческие эмоции разгораются не хуже огня. И в отличие от пламени их не так просто погасить. Разорвав все связи, от прошлого не сбежать. А если не сделать этого, перед их браком нависла бы огромная угроза в лице ее младшей сестры.

— Она могла разорвать связь с ними... и найти партнера получше!

— Верно. Но что, если она этого не хотела? — спросила Сакурако-сан. — Что делать, если жгучая мысль о предательстве близкого человеку пожирает твое сердце изнутри?

— ...Значит ничего не остается как смириться и покончить с собой?

— А-ха-ха, — расхохоталась Сакурако-сан.

— Сакурако-сан...

Ни сил, ни желаний отругать Сакурако-сан у меня больше не осталось. Я просто слушал ее смех и вдыхал влажный воздух.

— Думаешь она смирилась? Ничего подобного! Наоборот, ей наконец-то удалось заполучить этого мужчину к себе.

— О чем ты говоришь?

— Я не знаю, описала ли жертва отношения своего жениха с сестрой в предсмертной записке, которую найдут полицейские, но в больнице явно работают не слепые люди. Они должны были заметить связь между теми двумя. Однако теперь, младшей сестре и ее жениху будет сложно поддерживать прежние отношения, зная, что по их вине погиб человек. Возможно, брак погибшей и того мужчины был решен семьями, а он сам не испытывал никаких чувств к ней. Но теперь чувства раскаяния и сожаления холодным ветром пройдутся между ним и младшей сестрой. Они и раньше и играли с огнем, но теперь, если продолжат, градус накала может превысить температуру кремации трупов.

— ...

Кажется, температура кремации трупа превышает 800 градусов. Сакурако-сан не переставала тихонько посмеиваться, но мне уже было все равно. Я больше ничего не хотел говорить и слышать. Возможно, моя реакция могла казаться забавной, но Сакурако-сан, наоборот, замолчала. В полном молчании мы покинули ботанический сад и вышли на широкую улицу.

На улице уже стемнело, а когда я застегнул куртку, повалил снег. Сакурако-сан почему-то прикрыла рот рукой. Только звуки хруста свежего снега под нашей обувью разбавляли молчание, между нами.

— Мертвые не говорят и не оправдываются, вот почему никто не сможет их победить. Какое красноречие не использовали бы живые, нам суждено только проигрывать.

Несколько автомобильных огней проплыло навстречу нам. Вот один из огоньков развернулся и медленно двинулся по боковой улице. Эти огни почему-то напомнили мне печальный свет фонарей¹, которые я видел, когда я играл в доме бабушки.

— Ты считаешь происшествие печальным? Но это не так. Погибшая была хитрой, эгоистичной женщиной, которая грубой силой завладела сердцем своего жениха. Она не нуждается в твоём сочувствии. Ее душа было отравлена почище любого яда.

Слова Сакурако-сан пролетели сквозь меня

— ...Так ли это.

Я шел по следам Сакурако-сан и глубоко вздохнул.

— Какой бы не была смерть, она всегда останется печальным явлением

Когда я поднял голову к небу, снежинки начали падать на мои глаза. Оставляя холодные ощущения, они быстро таяли, оставляя мокрые следы на моих щеках, будто от слез.

— Я уверен, что она хотела выговориться, но боялась навредить или обидеть близких для себя людей.

Сакурако-сан не нужно ничего понимать.

Я был не очень близок с Киеми-Сан, но ошибки быть не могло

— Киеми-сан была прекрасным человеком с чистым сердцем.

Примечания

1. Речь идет о фонарях, зажигаемых на могилах.

Заключительная часть

В тот день в вечерних новостях Хоккайдо упомянули про смерть Киеми-сан.

Ведущий новостей сообщил, что расследование ведется и пока не ясно убийство это или самоубийство. Но уже на следующий день в утреннем выпуске новостей бегущей строкой уведомили, что версия с самоубийством подтвердилась.

Еще через несколько дней мать сообщила мне, что Ёсими-сан ушла с работы.

— Я так удивилась, когда узнала про ее роман с женихом погибшей! — с широко распахнутыми глазами поделилась новостью мать.

Но я не удивился. Мне уже было все равно. Я просто подумал, что больше никогда не захочу косить траву у того дома. Ведь какая бы не стояла жара на улице, мне больше никто не предложит холодного чая из мяты.

Моя жизнь пересеклась с жизнью Киеми-сан лишь однажды. Так что после ее смерти, ничего не изменилось.

Хотя нет, изменилась. Но только в одном.

Теперь в моей комнате стоял плантатор, в котором рос крапчатый звездообразный плющ и в милой форме сердечка мята.

Спустя пару недель, на мои глаза попала небольшая газетная заметка. Я раскрашивал модель и увидел газету трёхдневной давности.

«Врач, потерявший невесту, покончил с собой»

Ранним утром Х числа жители с подозрением отнеслись к машине, припаркованной у берега реки Сирибэцу. Прибывшая полиция обнаружила в машине труп Такаёси Хасигути (35 лет) врача, работавшего в одной из больниц префектуры Хоккайдо.

На месте происшествия предсмертная записка не была найдена, но внутри машины обнаружили следы угольных брикетов. Месяц назад невеста погибшего совершила самоубийство. Полиция ведет расследование, но существует высокая вероятность, что мужчина решил повторить судьбу невесты и покончить с собой.

Моя рука, держащая модельку в руках, задрожала. Не знаю от печали, шока или гнева.

— ...Почему ты при жизни так не ценил Киёми-сан?

В моей голове отчетливо предстала сцена одинокого Хасигути-сана, застывшего под снегом, и я не смог сдержать слез.

Если ты так скорбел о произошедшем, почему позволил этому случиться?

Если ты так любил Киёми-сан, почему ты решил ее предать?

Что сейчас с Ёсими-сан, которая осталась одна?

А Киёми-сан? Осталась ли она довольной всем произошедшем.

Мне ненавистна мысль о счастливом конце на небесах, но все же я не мог не молиться о том, чтобы эти две души обрели счастье.

<http://tl.rulate.ru/book/44891/1056186>